

НУРСУЛТАН НАЗАРБАЕВ

В ПОТОКЕ ИСТОРИИ

НУРСУЛТАН НАЗАРБАЕВ

В ПОТОКЕ
ИСТОРИИ

АЛМАТЫ «АТАМУРА» 1999

ББК 66.3(2)К

Н 17

Н17 Назарбаев Н.А.
В ПОТОКЕ ИСТОРИИ. – Алматы: Атамұра, 1999. –
296 стр.

ISBN 5-7667-8458-9

Н $\frac{0803010200 - 1}{418(05) - 99}$ Без объявл.

ББК 66.3(2)К

ISBN 5-7667-8458-9

© Назарбаев Н.А., 1999

© Издательство «Атамұра», 1999

Когда июльское солнце неистовствует на степных холмах, слышится только едва заметный шелест умирающих от зноя трав. Все живое уходит в тень и застывает в ожидании благословенной вечерней прохлады...

В этой сухой неподвижности на замершую вершину вдруг падает прихотливо меняющая очертания тень степного беркута. Невольно вглядываешься в слепящее небо и видишь одиноко парящий силуэт в уплывающем прямо в космос пространстве. Где-то там, в потоках восходящего воздуха, парит эта гордая птица, медленно обозревая подвластную ей и только ей в эти мгновения небесную и земную стихии. Но обманчивая медлительность прерывается стремительным броском на сотни метров и горе тому, кто поддался магии этого завораживающего полета...

Сколько таких одиноких обитателей воздуха поглотили время и природа, и все же век за веком это несгибаемое племя небесное парит над степью, предаваясь охоте и полету. Сколько чудесных и ужасающих картин проплыло перед взором равнодушных до человеческих радостей и печалей созданий. Из голубой дали пространства и времени чудятся и великолепие старинных городов, о коих напоминают лишь таинственные полуразрушенные стены, и растянувшиеся на сотни километров самые грозные в истории двух тысячелетий кон-

ные легионы покорителей Евразии, и мирное дыхание джайлау, и звонкая песнь номадического менестреля, и вечная, казалось, сотворенная не человеком, но самим Всевышним, наполненная трудами и радостями, победами и поражениями жизнь степняка.

** * **

Не случайно из миллионов беркутов, вылепленных из плоти и крови, один символический беркут обернулся золотым образом на небесном фоне флага Казахстана. Природа, ландшафт, память слились воедино в этом смелом и емком символе. Казахи в потоке истории...

Если бы политики отвечали только на вызовы современности, то судьба первых была бы намного проще. Драма действующего политика состоит в том, что шлейф истории незримо присутствует в каждом его деянии или высказывании, будь то разрушительный или созидательный акт. Не имеет особого значения — сознает это или нет сам актер политического театра. Важно другое — постоянное присутствие этой невидимой силы, то проявляющейся, то затемняющей смысл сугубо практических и сиюминутных дел.

Мое обращение к прошлому продиктовано пониманием этой исторической “загрузки” сегодняшних событий.

Особый смысл такое обращение приобретает в многонациональных обществах. Позволю себе несколько механический, но ясный образ. Мы строим полиэтничное государство с равными правами и возможностями для всех. В этой роли Президи-

дент страны, как гарант Конституции, несет ответственность перед всем народом Казахстана, перед всеми 130 национальностями и народностями.

Но в то же время, будучи казахом, я должен помнить о пяти веках собственно казахской истории, если начинать с момента возникновения казахской государственности. Кроме того, нельзя забывать и об исторической колыбели всех тюркских народов – Тюркском каганате, а это означает временной промежуток в 1500 лет ...

Президент лично отвечает за то, чтобы его нация не исчезла в ближайшие 100-200 лет, как это было со многими тюрками Алтая в этом веке, а как максимум, расцвела и заняла достойное ее истории место в мировой семье других народов.

Задача состоит в том, чтобы суметь “вписать” огромное тело национальной культуры на очередном крутом вираже в полотно истории. В то же время движение на этой огромной и динамичной “магистрали современности” не позволяет пользоваться архаическими методами. Иначе в поисках прошлого можно потерять будущее. Эта дилемма не столь проста, как представляется на первый взгляд.

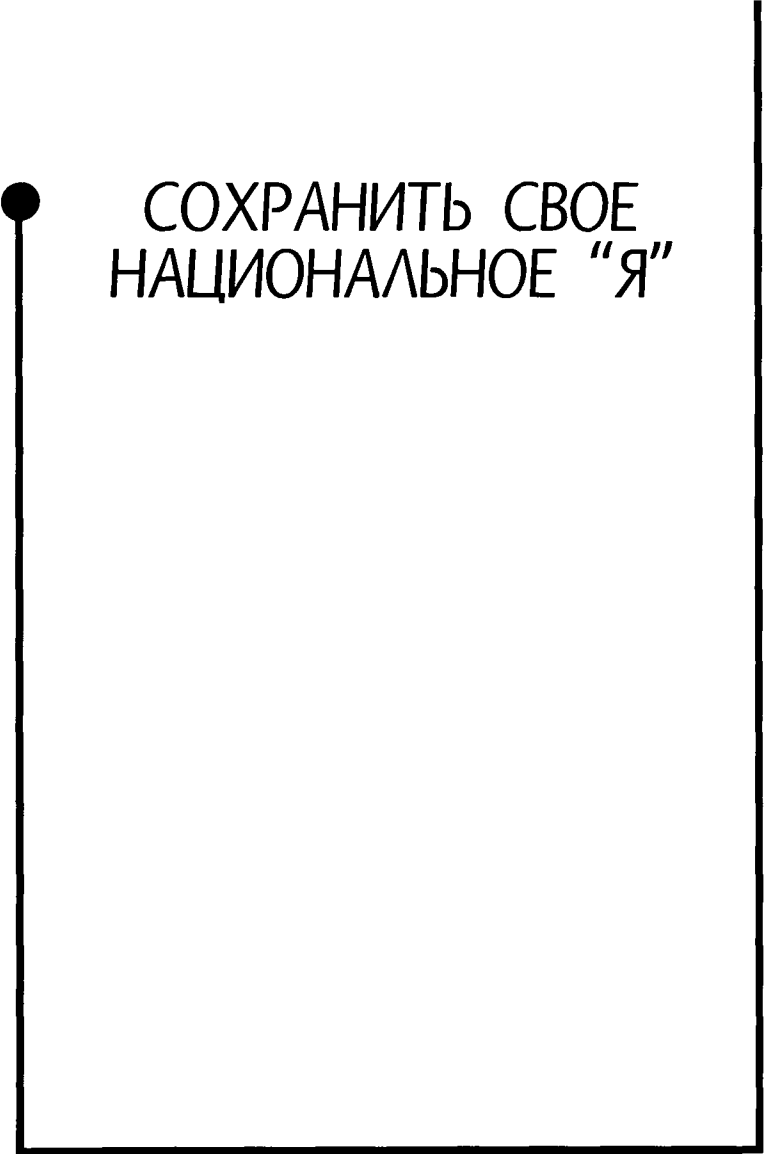
Вне осознанного отношения к истории невозможно даже осмыслить эту дилемму. Это и послужило побудительным толчком обращения к некоторым фундаментальным урокам прошлого.

Простые и вечные вопросы – кто мы и откуда, куда ведет нас порой мистически туманный, а порой ослепительно очевидный дрейф истории? Ответить с исчерпывающей ясностью на эти вечные для каждого народа вопросы может толь-

ко сам творец. Историк или писатель, взваливая на плечи эту нечеловеческую задачу, всегда рискует остаться в памяти последующих поколений наивным мечтателем.

Зачем же политику браться за столь хлопотное дело? Как говорится, “Что ему Гекуба?”. Дело хлопотное, но абсолютно необходимое. Ведь история не как предмет археологических изысканий, а как способ понимания современности всегда несет в себе капризный плод по имени “политика”. Самые острые вопросы нашего бытия за несколько сотен дней до третьего тысячелетия — в чем состоит наша национальная идентичность, какая модель отношений культур современного Казахстана оптимальна, какие скрепы держат наше национальное сознание, как сохранить в стремительно меняющемся мире свое национальное “Я” — ведь все это вопросы политической реальности, но ответ затаился не столько и не только в современности, сколько в темных и прозрачных водах истории...

Судьба последнего номадического материка в центре Евразии, национальное самосознание и тайна могильников на семи холмах, тоталитаризм и великий правитель Бейбарс, диаспоры современного Казахстана и средневековая Индия, национальная консолидация и “Алаш” — все это причудливым образом переплелось в истории великого народа, давая силы и в непростые дни, переживаемые нами сегодня...

СОХРАНИТЬ СВОЕ
НАЦИОНАЛЬНОЕ "Я"

Оглянись на себя,
и подумай о том:
кто ты есть,
где ты есть,
и куда же потом?

Омар Хайям

Наивные времена “проектного планирования нации” прошли. И не только потому, что этим грешили в истории двадцатого столетия тоталитарные государства, но и потому, что пришло понимание фундаментального факта. Нации — это живые организмы, управляемость развитием которых имеет социобиологические и культурные ограничения. Выращивать нации как грибы не только бесполезно, но и невозможно. К тому же уникальность каждой нации часто перевешивает возможности неких общих рецептов. Так что в известной поговорке, суть которой сводится к тому, что хорошо для одного — смерть для другого, сокрыт здоровый национальный скепсис по поводу универсальных рецептов.

Однако понимание общих тенденций применительно к национальной сфере, безусловно, необходимо. Без этого нельзя определить общую логику государственного развития.

* * *

И в связи с этим становится понятным — почему столь большое внимание уделено в этой книге вопросам культурной стратегии. Ведь ба-

зовым условием нашей национально-государственной политики является вопрос о собственном самопонимании.

Мы должны признать, что внутренняя разнородность, с одной стороны, и внешние воздействия культурного порядка, с другой, способствуют тому, что культурная целостность казахской нации далека от идеала.

В случае бездействия нас растащит на кусочки сама движущаяся история, так как разные “культурные острова” внутри казахской нации будут объективно дрейфовать к иным центрам притяжения. Преуменьшать значение этой проблемы нельзя. Поскольку в мою задачу не входит культурологический анализ ситуации, это значительно лучше сделают профессионалы, хотелось бы поделиться наблюдением политика.

* * *

Когда мы говорим о разных культурных влияниях, независимо от позитивной или негативной направленности такого влияния, мы попадаем в ситуацию пассивного потребителя. Я бы сказал, в императивы обстоятельств, пусть даже глобального характера. Но ведь кроме этих императивов есть и наши конструируемые национальные цели. И для политики это очень важное различие. Что важнее — подчиняться обстоятельствам или достигать наших сокровенных и стратегических целей?

Вопрос поставлен неверно и, к сожалению, многими интеллектуалами, причем не только в Казахстане, он так и формулируется. Это вопрос, который ставит “разорванное сознание”. Происходит фиксация нынешнего состояния того же казахского национального сознания и выводится противостояние с пресловутыми императивами обстоятельств, то есть внешних и внутренних давлений на это сознание. Но ведь упускается из виду принципиальная особенность национального сознания — его способность к развитию.

Эта неустойчивость, текучесть национального сознания порождает немало вопросов для практической политики. Встают, по крайней мере, три непростые проблемы.

Во-первых, какой сценарий развития событий соответствует стратегическим национальным интересам? Во-вторых, какие иные варианты развития ситуации заложены в реальном историческом процессе? В-третьих, какова степень реалистичности, реализуемости желаемого варианта?

Поэтому правильно сформулированный вопрос должен был бы звучать иным образом: “Как добиться сохранения и развития казахской национальной идентичности при любых, достаточно реалистических, обстоятельствах?” Конечно, это максимально широкая постановка задачи. Но какого объема должны, интересно, задаваться вопросы, когда речь идет о нации и государ-

стве в контексте опасностей со стороны “движущейся истории”? Ведь шутить или ошибаться в этом деле недопустимо. Вопросы должны быть адекватны самим этим опасностям. Как говорили древние: “Здесь Родос, здесь прыгай”.

* * *

Для казахских гуманитариев нет сегодня задачи более актуальной, нежели проложить дорогу в этом колоссальном поле взаимодействия национальной идентичности и динамичных императивов времени. Это ведь не только политическая проблема, но и научная. А потому превосхищать труды ученых— задача для политика неблагоприятная. Я только пытаюсь изложить характер проблем, с которыми приходится сталкиваться не столько в форме текстуального творчества, сколько в плане принятия конкретных решений.

Сегодня же бросается в глаза полнейший эклектизм в осмыслении места казахской нации в современном мире. Сразу делаются попытки построения глобальных теорий, целью которых является поиск казахской идентичности в контексте мировых тенденций.

Такие глобальные изменения, как постиндустриальное общество, столкновение цивилизаций, успех либерализма, неоконсерватизм проецируются без какого-то исторического и

географического ограничения сразу на казахскую нацию. Как будто у нас нет сегодня проблем поважнее, чем неоконсерватизм! Иными словами, происходит некритическое расширение проблемного поля казахской нации.

С другой стороны, есть и попытки, кстати, даже более распространенные, погрузить казахскую историю в собственный автономный мир с красивыми, но устаревшими идеологемами. Анализ казахских проблем, особенно казахской этничности, через призму норм и ценностей кочевого общества есть неправомерное сужение проблемного поля казахской нации. Ведь если даже условно отбросить в сторону вызовы современности, то сама казахская нация никогда не была замкнутой, изолированной. Она волею судьбы и неба была открыта разным влияниям и тем не менее сумела сохранить национальный смысл, отнюдь не сводимый только к номадизму и традиционализму. «Певцы» традиционализма забывают о том коварном свойстве истории, что и традиции когда-то были вызывающей неприятие новацией...

* * *

Для того, чтобы оставаться “в круге реальности”, необходимо отойти и от чересчур расширительных, и от чересчур локальных представлений об истории и современности казахов.

И здесь имеются, по крайней мере, две составляющие такого подхода. Первый, это собственно исторический компонент. Подходы, используемые сегодня, сводятся к делению национальной истории на традиционное кочевое общество, пребывание в рамках Российской империи, советский период, и, наконец, казахскую нацию в условиях независимости.

К сожалению, простота не всегда совпадает с истиной. Действительно, можно ли сводить нашу традиционную историю только к номадизму. Сегодня это вызывает все больше вопросов. Наличие развитой системы городских поселений на территории Казахстана, как в период глубокой древности, так и во время этногенеза собственно казахской нации, не позволяет столь однозначно трактовать наше прошлое. К тому же целые зоны имеют многовековые традиции оседлости. Наконец, сама трактовка номадизма является не столь однозначной, как это представлялось даже десяток лет назад. Поэтому, оценивая казахскую историю в этот наиболее продолжительный период этнического существования, мы должны отказаться от целой массы стереотипов и адекватно осмыслить, какие особенности традиционного казахского общества “впечатались” в современный облик нации и в чем особенности этого многовекового влияния.

Радикального переосмысления требуют и вопросы так называемого колониального и со-

ветского периода существования казахской нации. Вопрос не в утверждении очевидных истин типа банальных утверждений о том, что не только царская Россия была тюрьмой народов, но и СССР не был раем. Вопрос в другом — в генетическом сходстве обоих периодов национальной истории. И смена общественного строя во многом усилила уже существовавшие тенденции, придав процессу разрушения национальной культуры и национальной системы в целом впечатляющий масштаб тоталитарной мультипликации.

По-видимому, для понимания особенностей функционирования казахской нации как непрерывной этносоциальной системы важнее понять принципиальное сходство имперской и советской колонизации, нежели акцентировать внимание на принципиальных различиях.

Конечно, был в начале века короткий период, последовавший за Февральской революцией, когда для Казахстана появилась историческая возможность радикальной смены отношений с метрополией. Но этот период, как известно, закончился Октябрем. Идеализировать ни тот, ни другой период нет никакой необходимости. И в том, и в другом случае речь шла о типичном наборе методов военного, хозяйственного, культурного покорения казахской территории. И многие тенденции, наметившиеся в девятнадцатом столетии, получили логическое завершение в двадцатом веке.

Оценка нашей национальной истории, конечно, для удобства исследователей и методологических соображений будет базироваться на прежней схеме, но понимание единства всего периода колонизации, при всех различиях механизмов и исторических обстоятельств, должно многое прояснить в судьбах казахской этничности. Ведь ближайшие “исторические следы памяти” особенно значимы и непосредственно накладываются на поведение, оценки, смысловые картины мира, в том числе казахского миропонимания.

Наконец, последнее десятилетие национальной истории, те семь лет, что означали обретение утраченной столетия назад государственности, имеет свою внутреннюю логику, свой уже неизгладимый след в национальном сознании. Помимо правовых, экономических или политических новаций, этот период результативался в глубоких изменениях психологии нации, осознавшей свое место в истории. Роль этих психологических изменений пока не выявлена в полной мере. И полагать, что все они несут только позитивную окраску — значит выдавать желаемое за действительное.

Но в целом направленность этих психологических сдвигов очевидно позитивна — казахи получили твердые психологические основания рассматривать свою нацию как самостоятельный и независимый субъект глобальной истории. Утрата этого ощущения своей исторической перспективы столетиями ломала, деформи-

рвала национальный характер, заставляла гениальных сынов и вождей казахского народа биться над проклятой ловушкой истории, когда физическое сохранение этноса требовало подчиняться историческому компромиссу. В последнем десятилетии двадцатого века казахи вновь обрели это полнокровное дыхание свободной нации...

* * *

Другая же составляющая реалистического подхода заключается в том, что необходимо столь же внимательно оценить собственно культурные влияния на казахскую степь.

Двухсотлетняя культурная “вакцинация” привела к искаженной картине культурного диалога Степи и окружающего мира. Словно казахи были только частью некоего культурного полуострова, омываемого с юга, востока и юго-запада океаном бескультурья. А вся история культурного развития Степи, якобы, есть история постепенной диффузии культурных новаций с севера на юг.

Это неверное представление в глобальном и континентальном масштабе давно преодолено, и кормиться подобными рассуждениями сегодня есть просто моветон для любого цивилизованного ученого или политика. Но, применительно к Казахстану, некоторые рецидивы подобной “культурологии” все еще остаются частыми и,

что самое удивительное, со стороны местных, так сказать, политологов. А порой можно вообще услышать кликушеские выкрики о том, что теперь, мол, всё, полный конец с отрывом от культуры бывшей метрополии.

Мое отношение к великой, без всяких оговорок и скидок, русской культуре и тому, что она дала казахам, известно. И я не сторонник скороспелых прозрений тех, кто только вчера писал пухлые монографии о величии русской литературы, а сегодня плюется в сторону всего, что идет с севера. Эти хамелеоны не менее отвратительны, нежели доморощенные манкурты.

Речь идет о другом. О том, что казахская степь и казахские города были перекрестком диалога великих культур Юга и Востока, Севера и Запада. И так было всегда — от Бабуров до Бейбарса, от Ельтутмиша до Валиханова. Казахская культура, как культура наших тюркских предков, всегда была синкретична, а не сводилась к одному, пусть и значительному, влиянию. А потому поиск духовных оснований “национального поля” открывает веер возможностей, а не определяется унтер-офицерской палкой или субъективными вкусами отечественных кликуш.

Нужно быть на редкость малообразованным человеком, чтобы не знать хотя бы на уровне общих сведений, что казахская земля была территорией колоссальных культурных новаций евразийского масштаба — от военных технологий до способов конструирования жилья и раз-

ведения скота, от уникальных технологий в металлургии до выдающихся памятников литературного творчества. Все это не могло бы состояться без многообразных и длительных контактов с самыми разными народами и цивилизациями. Здесь, на пыльных дорогах средневекового Казахстана уходили в вечность, даже не подозревая об этом, мистики школы Яссауи; рыжебородые персидские купцы, торившие путь не только товарам, но и непревзойденной по изысканности любовной лирике Саади и Руми; воины грозного Чингисхана и администраторы Поднебесной империи...

Сколько культурных влияний переплавил эта земля и сколько породила сама – это вопрос интригующих открытий и прозрений. Но абсолютно неопровержим один факт: культура казахской степи представляет собой сложнейшее и многоуровневое явление с глубочайшей исторической традицией. Только такой подход позволяет точно понять, что есть “казахское” в сфере культуры. Понять один из важнейших участков поля национального действия.

* * *

Оптимистический взгляд на будущее нации, на возможности сохранения ее собственного “Я” – не порождение очередной оптической иллюзии. Мы имеем серьезные основания для подобного оптимизма.

Во-первых, “консервация” традиционного уклада жизни вплоть до начала двадцатого столетия, несмотря на все давления и деформации, способствовала сохранению мощного этнокультурного сознания. Образно говоря, мы не расплескали, в отличие от многих народов, виртуальное, подсознательное поле своей исторической идентичности. Во-вторых, казахи не смешивались в массовом масштабе с другими этносами. Ассимиляционная модель, по крайней мере для казахов на территории Казахстана, никогда не была преобладающей. Причин этому много, но здесь важно отметить то обстоятельство, что этот фактор сыграл определенную роль в плане развития национального самосознания. В-третьих, обретение собственной государственности со всеми ее атрибутами имело мощный психологический резонанс и привело к радикальному изменению самооценки и самопонимания казахской нации. В-четвертых, в силу этногенетической молодости и молодежной демографической структуры казахи имеют изрядный запас “этнической энергии”. Наконец, казахи имеют “критическую массу” в чисто количественном отношении для успешного выживания и функционирования в качестве полноценной нации в современном мире.

* * *

Если же ставить вопрос в более предметной плоскости и отвлекаться от сугубо внешних воз-

действий, то поле национального действия определяется и оформляется тремя факторами.

Это прежде всего механизмы национальной интеграции и дезинтеграции. Внутриказахская дезинтеграция почти всегда была бичом божьим или историческим, резко ограничивавшим возможности казахской государственности. Разумеется, современные механизмы дезинтеграции несколько отличаются от тех видимых исторических примеров, которых в народной памяти тысячи. Но здесь важна не историческая ссылка на казахскую вековую болезнь, а констатация того факта, что дезинтеграционные тенденции и борьба с ними становится одним из ключевых по своей важности направлений национального действия. Развитие механизмов, институтов, ценностей внутриказахской интеграции — это задача не менее важная, нежели военное строительство или конструирование институтов внешней политики.

Далее, основные идейные конструкты, на которых базируется казахская национальная консолидация, в общем-то достаточно ясны. Это сохранение и развитие независимой государственности. Это развитие и реальное функционирование казахского языка в качестве государственного. Это территориальная целостность Казахстана. Самое удивительное, что обретение независимости произошло по историческим меркам только вчера, а обыденное сознание относится к этому факту как к некоторой много-

вековой данности. Понимание того, что независимость, территориальная целостность Казахстана, обретение реальной экономической, военной, информационной независимости есть процесс сложнейший и долговременный и требует напряжения всех сил нации, должно стать азбучной истиной для каждого казаха.

Наконец, в практическом смысле ясно, что политические идеи не могут “висеть в воздухе”. Необходимо ясное понимание в так называемых “локомотивных группах” казахской нации своей роли и функции в процессе такого национального конструирования. Я уже говорил о роли казахской интеллигенции в воспроизводстве и развитии национального духа. И ведь это касается не только творческой или научной интеллигенции.

Перед нашими глазами стоит великий исторический пример служения национальным интересам со стороны целой плеяды выдающихся исторических деятелей, государственников в истинном смысле этого слова — тех, кто уже в начале двадцатого столетия сформулировал цели развития казахской государственности. Об истории необходимо судить не только, а в нашем веке и не столько по завоеваниям, сколько по прорывам национального духа.

Мы можем с гордостью сказать, что поле национального действия, очерченное деятелями «Алаша» в начале столетия, получило развитие в конце века.

* * *

Злоключения библейского Иова стали хрестоматийным примером несчастий, обрушившихся на голову отдельного человека. Пожалуй, в мировой литературе или мифологии трудно подобрать образ целого народа, на голову которого обрушивались всевозможные несчастия на протяжении нескольких столетий и который при этом не сломился, а выстоял и построил собственную государственность.

Если задуматься над казахской историей не в свете пресловутых “вспышек в ночи” или идиллических описаний “цивилизуемой степи”, то поражает одно обстоятельство. Казалось бы, страшные демографические удары восемнадцатого столетия и коллективизация двадцатого века, слом государственности под давлением колонизации, регулярная чистка национальной элиты, невозполнимые культурные потери, маргинализация части казахского населения, интеллектуальные и эмоциональные драмы величайших казахов в национальной истории, — все это должно было привести к психологическому коллапсу и распаду национального поля...

Но произошло иначе. Казахи — наследники великих цивилизаций — сумели пронести свое национальное “Я” над всеми историческими пропастями и впадинами. И не только пронести, не только сохранить, но и приумножить.

Случайно ли это? К мистике в исторических

объяснениях прибегают, как правило, при отсутствии достоверных аргументов. Нам к мистическим силам обращаться нет никакой необходимости. Сохранение “казахской самости” есть вещь рациональная и твердо стоит на исторической почве.

* * *

Во-первых, казахский этнос формировался столетиями. Он не пришел на эту землю в ходе каких-то колонизаций или завоеваний. Глубина исторического горизонта казахов очень велика. Она отнюдь не ограничивается временными рамками образования первого казахского ханства. Эта устойчивость в истории, привязанность казахов к своей этногенетической территории сыграла огромную роль в различные периоды нашей истории. Не было на земном шаре силы, которая заставила бы всю казахскую нацию уйти с этой земли. И в демографическом, и в миграционном, и в культурном смыслах.

За нашими плечами стоят ведь не только поколения наших предков до седьмого колена, за нами стоят и те, кто нес образ казахской степи на берега Инда и Нила, Волги и Дона... Эта историческая многомерность и дальнозоркость казахского духа пока мало оценена. Между тем, в толще народного сознания она присутствует в неких архетипических формах и всегда имеет силу.

Во-вторых, несмотря на жесткий социокультурный прессинг, никому не удалось сломать механизмы национально-культурного воспроизводства. Казахская литература и музыка, фольклор и живопись то в размеренном ритме великой поэтической традиции, то в лаконичном стиле музыкального кода, а порой и в глубочайших духовных прорывах не просто воспроизводили особенности национального сознания, но и семантически расширяли его. Потому-то и культурный универсум современного казаха значительно глубже и шире того, что имели наши даже наиболее продвинутые соплеменники начала столетия. Работа национального духа, часто не заметная за казенщиной тоталитарных излиятий лояльности, а порой взрывающая в силу своей национальной энергетики сонную одурь эпохи (работы выдающегося казахского историка Е. Бекмаханова), продолжалась всегда.

В-третьих, высокий уровень национальной идентификации казахов. Казахи не поменяли за долгие годы ни своей конфессиональной, ни этнической идентичности. Устойчивость казахского самоописания, самоотнесения именно к своей нации поистине удивительна. Достаточно вспомнить тот простой факт, что мы были единственной республикой в бывшем Союзе, где наша доля в отдельные периоды составляла едва ли не треть всего населения. Даже при этих обстоятельствах абсолютно подавляющая часть казахов никогда не колебалась с выбором своей

национальной принадлежности. Поэтому я категорически не согласен с утверждениями наших пессимистов о размытости казахской идентичности. Вопрос состоит не в этом, а в том, чтобы наполнить эту идентичность, наряду со скрепляющими и фундаментальными элементами, современным содержанием.

* * *

Некоторые особенности национального сознания также могут пролить свет на тайну и живительную силу казахской картины мира. Духовный мир казахов во многом складывался под воздействием устной поэтической традиции. Этот невероятный для многих современных народов поэтизированный мир тысячекilометровых пространств выходил далеко за рамки собственно художественного жанра и эмоционального понимания. Он нес в себе огромный заряд рациональных элементов. Поэтому казахское поэтическое творчество имеет колоссальный познавательный потенциал. Поэтому почти всегда оно приближается к форме стихийного философствования.

Поэзия в казахской степи никогда не была уделом только степных певцов, она пропитала все поры казахского культурного тела.

Колоссальная роль устной народной речи принципиально важна для понимания казахов как этнокультурной целостности. Но не в фор-

ме бытовой речи на уровне обыденного общения, а в рассудочной, свойственной творческим формам человеческого общения. Животворящим центром “казахскости” стала звуковая речь.

Таким образом, сложилась уникальная ситуация – в течение долгих столетий творцом своей духовной самобытности выступало абсолютное большинство народа, а не только его элитные слои. Такое в мировой истории встречается очень редко. Это было поистине демократическое по содержанию, по существу явление, оказавшее фундаментальное воздействие на формирование специфики казахского мировоззрения.

Отсюда и демократизм казахской литературной речи, и ее поражающая чеканной медью афористичность. Отсюда и синкретизм казахского языка, не подчиняющийся жестким законам цехового разделения по профессиональным особенностям.

Народный фольклор, устное народное творчество в передаче и обработке как великих акынов, так и тысяч безвестных авторов, выступал своего рода институциональной средой, заменяющей отсутствие массовых образовательных учреждений. Это языковое творчество миллионов казахов параллельно выполняло и незаметную на первый взгляд функцию. Через языковое творчество каждый казах ощущал “особость” своей культуры, своего собственного “Я” и свою прямую включенность в стихию и гармонию родной культуры.

Редко какой народ мира может похвалиться, что его пастухи говорили языком князей. С этим, кстати, связана одна из упоминаемых проблем переводчиков с казахского. Они часто спрашивают у казахских литераторов — нет ли здесь некоторой натяжки. Нет. Ибо особенность казахского сознания, реализуемая через уникальное многомиллионное языковое творчество, в известной степени в том и состоит, что любой казах, живущий в поле родной культуры, способен оценить всю гамму художественных переживаний и скрытых семантических глубин казахского языка. Поэтому определенная литературность казахского языка и есть особенность национального стиля мышления. Разве мог казах потерять свое остро наточенное для язвительных споров и лирических откровений, философских размышлений и родовых панегириков оружие, способное становиться щитом и мечом в зависимости от обстоятельств, свой лаконичный и пространный, ироничный и страстный, “вечно новый и старинный” язык? Нет, конечно. А язык, в свою очередь, в силу его уникальных для казахов функций столетиями оберегал нацию как культурное целое.

* * *

Другая черта казахского сознания — его историчность. Распространенность исторических знаний среди народа была невероятно высокой.

Даже сегодня при наличии развитой системы образовательных институтов трудно говорить о таком уровне историчности массового сознания.

Эта система исторических знаний впитывалась с раннего детства в силу постоянного, пронизывающего сознание и психику рядового кочевника потока исторических, культурных событий. Массовый человек казахской степи имел панорамное историческое сознание, ибо его память, натренированная с детства колоссальными массивами устно передаваемого знания, удерживала огромные исторические пласты и представляла себе их зримо. Понимание и знание истории народа рождалось из личностного ее переживания.

Предки и их деяния представляли как современные и современные события. Не было большой дистанции, отстраненности исторических событий многовековой давности от событий личной жизни. Его индивидуальное сознание было насквозь исторично. Рядовой степняк был накрепко “впаян” в историю казахского народа. Он всегда мыслил себя как органичный элемент общей истории народа.

Конечно, это во многом объясняется медленностью изменений основных форм жизни кочевого общества, статичностью структурных элементов его организации, архитектоники его социального пространства. Но ведь кочевое общество периода расцвета нельзя сравнивать с индустриальными обществами, то есть в иных

историко-временных координатах. Классическое номадическое общество необходимо сравнивать с обществами, находящимися в одном и том же отрезке исторического времени. И вот в этом случае поневоле отмечается тот факт, что в период своей военно-политической гегемонии на огромных просторах казахской степи огромная масса кочевого населения была на более высоком уровне понимания своего места в системе движущейся истории, нежели окружающие народы.

* * *

Нельзя не отметить и такую особенность казахского сознания, как его открытость всему новому, непривычному. Основой такого мировосприятия явилось и то, что в обыденной жизни каждый «традиционный» индивид в степи вступал в столь разнообразные связи с природой и другими людьми огромного распаханного пространства, что зачастую просто трудно было найти жесткие универсальные формулы и ответы на все время возникавшие качественно новые ситуации. В силу этого массовое сознание казахов всегда было насыщено рассудочными сентенциями и тяготело к афористической отточенности.

Особенности казахского сознания, отраженные в самой простой речи, диалоге — это всегда стремление понять внутренний мир собеседни-

ка, вслушаться в ритм его мыслей и чувств, понять внутренние, скрытые основания взглядов собеседника. Это с одной стороны.

А с другой — нет слепой веры в безусловную правильность только своей позиции. Легко воспринимается то, что другая сторона может быть столь же равноценной, хотя ее позиция и не вписывается в привычные представления. Эта безусловная легкость, скорость и глубина восприятия чужих ценностей, понятий, иного миропонимания является ценной чертой казахского сознания. Особенно, если учитывать, что современный мир с его ускоряющейся динамикой требует как раз такого хорошо и быстро адаптирующегося типа сознания.

* * *

Но, кроме таких трудноуловимых в вещественном смысле явлений, как национальное сознание, были ведь и вполне фиксируемые механизмы передачи национальной памяти в казахском обществе.

Это прежде всего система обычного права — адат. Это патриархальная семья. Это родовые отношения.

Роль каждого из этих элементов трудно переоценить. Однако историческая судьба каждого из этих способов передачи национального и социального знания совершенно различна.

Первой подверглась разрушению система

обычного права. Административные и судебные реформы уже в XIX веке практически подорвали возможности степного обычного права.

Двадцатое столетие просто не оставило никакой сферы для применения этого эффективного для традиционной Степи способа регулирования общественных отношений.

Патриархальная семья, базировавшаяся на авторитете и особой роли аксакала, как главного хранителя и транслятора духовно-нравственных ценностей, имела огромное значение для прочности национального сознания. В силу чисто возрастной близости к миру национальной истории он пользовался непререкаемым авторитетом. Сила и мощь такого института геронтократии, конечно, немыслима для современных обществ. Однако огромную позитивную роль института аксакалов в сохранении национальной картины мира ощутили целые поколения казахов даже в двадцатом столетии. Но патриархальная семья, как механизм трансляции национальных ценностей, была просто размыта под давлением целого ряда естественных и неестественных причин, начиная со смены типа демографического воспроизводства казахов и кончая все ускоряющейся урбанизацией. Поэтому говорить о патриархальной семье как способе национальной консолидации, по крайней мере в нашем веке, можно только с большой условностью.

* * *

Поэтому наиболее значительным инструментом сохранения и передачи традиций для казахов являлся род. В истории не бывает школярского деления на черное и белое. Понимая ограничения и отрицательные стороны родового мышления сегодня, менее чем за год до прихода нового века, мы должны осознать колоссальную связующую роль родовой психологии в драматической истории нашего народа.

Так как перед родом были все равны, то все установления, нормы и обычаи, принятые в родовом коллективе, были священны и неприкосновенны. Традиции рода являются наиболее устойчивыми в сознании человека, так как сам уклад жизни не позволял ему жить иначе, как в коллективе, сообществе. Отсюда и поразительная живучесть обычаев и обрядов, норм и предписаний рода, сохранившихся и по сей день.

Знание своего рода, племени, своих предков в семи поколениях (“жеті ата”) являлось для каждого казаха обязательным условием осознания своей родовой идентичности, а через это и передачи традиций своего народа. Это, в свою очередь, выявляло и укрепляло чувство этнической идентичности казахов, не позволяя им ассимилироваться и потерять свой облик при всех перипетиях судьбы.

* * *

Казахстан до начала XX века в основном представлял собой традиционное кочевое общество, развивавшееся естественным историческим путем и сохранявшее сложившуюся целостность и органическое единство.

Основой номадической общины являлась семья, ее члены. Племя, семья, все ее члены — родные друг другу по крови и поэтому взаимодействия между ними не являются отношениями не связанных между собой единиц, строго разделенных друг с другом. Нет, они разные, но родные — неразрывные части единого тела семьи.

Истинная семья из нескольких людей являлась в то же время единым телом, единым организмом. Разные его части жили и пульсировали в полной физической, психологической, нравственной взаимосвязи.

Такая классическая модель семьи являлась естественной основой исторического сложения и более объемных органических сообществ — семей, кланов, родов, племени, совокупности племен, жузов и, наконец, самого казахского народа.

Поэтому, всякое такое сообщество, имеющее своей основой патриархальную семью, имеет свою душу и сердце, единые социохозяйственные и нравственные критерии, воплощенные в традициях.

В ту эпоху традиции передавались через

мифы, устное поэтическое творчество, преемственность нравственных и хозяйственных форм, через обряды, ритуалы.

Главное здесь то, что один человек — член семьи, никогда не воспринимался как отдельная единица, как неповторимый индивидуум. Он всегда был лишь одной из живых частей единого сообщества любого уровня — семьи, рода, племени, жуза или народа.

Казахский народ для своего устойчивого самоутверждения в специфических условиях кочевого общества вырастил внутри себя уникальный орган, позволявший ему уже десять веков сохранять себя как единое целое. Его цельное историческое тело сохранялось вне зависимости от наличия или отсутствия государственной оболочки. Речь идет о непреходящем знании каждым казахом “жеті ата” — семи предков, семи колен. Генеалогия для казахов в степи была как компас для моряка в море. Именно она оказалась единственно адекватной тем историческим, географическим, хозяйственным, политическим, экономическим, культурным обстоятельствам, в которых волей исторической судьбы находился казахский народ.

Знание своей родословной было как бы гарантией его жизни, когда он кочевал по степи. Уникальное родоплеменное, кланово-жузовое единое тело казахского народа веками органично разрасталось по принципу: все казахи — птенцы одного “гнезда”, ветви одного дерева, одного

корня. Вот откуда сознание единства народа, которое по европейским канонам должно было бы отсутствовать у разрозненных кочевников, разделенных на три основные части – жузы, к тому же отстоящих друг от друга на больших расстояниях. И это единство воспринималось именно через родословную.

В этом проявляется генетическое единство казахов, происхождение из единого генеалогического древа. Казахи-кочевники всегда считали обязательным знание своих корней и родовых связей. Это было возведено до единого для всей нации морально-этического критерия.

Так было всегда в нашей истории. Поэтому принцип “жеті ата” естественным образом обеспечивал этнобиологическую, этнокультурную, в целом духовную целостность всего казахского народа. Знание семи предков позволяло каждому на достаточную глубину проследить свои соседние ветви генеодрева казахов и вывести родственность всех казахов в целом. Тем самым сохранять его неразрывную целостность.

Как повлиял на казахский народ принцип семи колен и вырастающий из него институт родовых связей?

Во-первых, принцип “жеті ата”, институт родственных связей задавал каждому казаху и всему народу неустрашимую внутреннюю тягу к истине. То есть это был массовый разум народа.

Зная свою принадлежность к казахской на-

ции, свои семь колен, а через них свои роды и свой жуз, казахи в любом месте родной земли всегда осознавали себя среди единокровных людей, чувствовали себя членами одной большой гиперсемьи. Это особое степное знание, этот гиперсемейный разум были не просто уроком, заученным из букваря. Оно давало кочевнику возможность разбираться в названиях, местах обитания, степени и сферах влияния всех родов этноса.

Кочевье по беспредельной степи было богато бесконечными встречами с разными людьми, аулами и родами. При этом возобновлялись старые родственные связи или завязывались новые, выяснялось происхождение собеседника. Даже один контакт по принципу “жеті ата” между двумя людьми сильно увеличивал исторический кругозор каждого. Через сватовство с членами других родов и жузов народ приобретал свое единство.

Сегодня весь мир строится на современных сетевых технологиях. Но принцип “жеті ата”, институт родственных связей объективно выступал в нашей истории в роли своего рода степных биокомпьютеров сетевого типа, которые ежедневно сами расширяли свою память в тысячи раз. Такие ежедневные контакты, обмен родословными по принципу “жеті ата” постепенно расширяли кругозор казахов по истории рода, жуза, этноса и вели к самообразованию всего народа.

Более того, этот уникальный степной «сетевой компьютер» позволял обогащать в массовом масштабе совокупный разум нации точным знанием своей богатейшей истории. Ведь, действуя по принципу “жеті ата”, потомки знали не только перечень своих дедов, но и узнавали об их выдающихся делах, скитаниях, характере и даже физическом облике своих “баба” и их современников. Причем в памяти каждого казаха такая информация хранится так подробно, будто между предками и правнуками нет никакой многовековой дистанции.

В результате формировался единый разум нации как единой семьи, в которую как живые входят не только ныне живущие, но и все, кто сохранился в памяти через много поколений. Такой разум народа в каждом рядовом степняке зримо представлял историю, пропускал ее через свое сердце.

Тем не менее, здесь необходимо иметь в виду, что происходила мифологизация предков, особенно в глубь истории, понятная вследствие естественного человеческого желания приукрасить деяния предков перед другими сородичами, преувеличить их значимость.

Эта постоянная тенденция усиливалась отсутствием письменной традиции, позволявшей точно и объективно фиксировать происходившие события и действующие лица.

Во-вторых, принцип “жеті ата” повседневно и полнокровно задавал каждому казаху, всему

народу неустранимую внутреннюю тягу к лучшему, к идеалам предков, к вечному, к чему-то невыразимому и единому для всех казахов, то есть — к духовному отличию, вере народа. Это не холодная и не экзальтированная вера, а основанное в целом на конкретных фактах истории самоощущение каждого рядового номада.

Память о подвигах и поражениях, невзгодах и победах всех моих предков семи колен давала надежду, что и я могу преодолеть любые трудности на своем пути. Именно такая идеология жила в сердце каждого казаха.

Более того, духи предков — “аруахи” — мне в этом ежедневно помогают. Религиозные чувства и вера моя в предков — это мое кровное дело. Я знаю, что аруахи помогали им, я верю, что они помогут и мне. Вот как жили, по моему представлению, казахи классического традиционного казахского кочевого общества.

Следовательно, институт “жеті ата” выступал как орган передачи веры через многие поколения казахского народа из прошлого в будущее. Он вселял веру в лучшее, в какой-то единый центр, порождение и жизнедействие семьи, рода, народа. Таким образом, он был очень сильным и рациональным инструментом практической жизни казахов. Такая вера, заданная целой цепью непосредственных предков, являлась внутренней сущностью человека и существенно расширяла пространство, где он мог искать

и находить выход в возникающих жизненных коллизиях.

Такая вера позволяла и человеку, и народу в тяжелую годину не сужать поле выбора под давлением извне, а сохранять ясный разум, чистое сердце, спокойную совесть и на их основе находить блестящие выходы из труднейших исторических ситуаций.

С другой стороны, действия на основе прецедента, продолжавшиеся в массовом масштабе в течение веков, со временем образовали мощный пласт ритуальных действий, застывших мыслительных схем и нормативных поведенческих моделей.

Когда казахское общество по уровню социально-экономического и общекультурного развития стало отставать от окружающих народов, терпеть поражения от внешних врагов, будучи раздираемо внутренними противоречиями, попало в колониальную зависимость от Российской империи, словом, стало приобретать прочный опыт постоянного поражения, принцип “жеті ата” выполнил роль накопителя пораженческих настроений, подавлявшего волю народа и выковавшего за века выраженное осознание своей отсталости, национальную закомплексованность, имеющую возраст, по крайней мере, 300 лет.

Кроме того, сознательное унижение европоцентристами, во многом принятое и советской пропагандой и наукой, истории кочевников, ее

интерпретация как истории беспечного и ленивого, безынициативного народа, ведущего полуживотную жизнь, сыграло свою разрушающую и гибельную роль для казахского национального самосознания. Поэтому, если быть объективным, то перед нами стоит историческая по значимости задача восстановления самоуважения, написания объективной истории с ее положительными и отрицательными сторонами, ее победами и поражениями.

В-третьих, принцип “жеті ата”, институт родственных связей незаметно, но верно задавали каждому казаху и всему народу необоримую внутреннюю тягу к ответственности перед духом предков за свои поступки. “Малым – жанымның садағасы, жаным – арымның садағасы” – все мое богатство – ничто против моей жизни, жизнь моя ничто, когда речь идет о моей чести. Эта уникальная психологическая основа жизни кочевников была проверена веками и отточена до предела. В ней сконцентрировались поведение, ритуалы, морально-нравственные мотивы, нормы и оценки человеческого общения в степи. Все материально-духовные стороны жизни казаха, вся жизнь были регламентированы строгим изощренным этикетом межродственных связей, опирающихся на принцип “жеті ата”. В этот принцип был заложен еще и строгий моральный кодекс жизни казахов, основа традиций, ритуалов, обычаев и табу.

Межклановые, межродовые отношения оп-

ределялись сложившейся когда-то иерархией, которая в силу того, что жизнь постоянно развивается, становилась жесткой и отжившей структурой, не отвечающей новым обстоятельствам и действительному соответствию реального баланса сил.

Отношения родичей клановых и неклановых, как внутренние, так и межгрупповые, подчинялись строгому этикету, тщательно регламентировалась каждая линия по каждому субъекту – взаимные права и обязанности, уровень притязаний на почет и подарки, границы почитания, дозволенности и недозволенности, запреты и меры наказания. Определялись и взаимообязывающий тип поведения, тональность и атмосфера общения, пространственное расположение в юрте за дастарханом, очередность обслуживания гостей, очередность подачи блюд, меню и т.д. Были расписаны все возможные и даже чрезвычайно редко возникающие ситуации по шкале права, обязанности. Система прав и обязанностей выступала единым и цельным этикетом в полном смысле этого слова. Он служил нравственным каркасом для внутреннего упорядочения кочевой жизни номадов – наших предков.

Нормы родственных связей из разряда моральных категорий повседневности постепенно могли переходить в статус юридической меры. Меры наказания были разные, вплоть до самой тяжелой – отторжения из родной среды, то есть фактически полного исключения из членов еди-

ной гиперсемьи. Для нормального человека не было страшнее и позорнее наказания.

Тем не менее, рождались условия для “круговой поруки”. А ведь могло и бывало так, что отдельный человек или их группа правы, но в конкретной ситуации это противоречило интересам данного рода. В таком случае рождались коллизии между самой истиной и застывшим институтом родовой морали.

В-четвертых, принцип “жеті ата”, институт родственных связей ненавязчиво и глубоко задавали каждому казаху и всему народу сильнейший инструмент духовного единения. Принцип “семи колен”, хотя и совсем прост, был могучим определяющим ядром, сердцем этнической целостности на основе семейно-родственной любви. На земном шаре по сегодняшний день нет ни одного народа, кроме казахского, по неписаному степному закону запрещающего вступление в брак родственникам семи колен. Вот откуда исходят сильные генетические корни казахского народа, проистекающие из его мудрости.

Представители семи колен одного рода вступают в брачные отношения с представителями такого же, но другого рода. Именно поэтому, встретившись, два казаха из разных концов степи обязательно выяснят, что они родственники. Все казахи едины как дети одного корня, и поэтому они сородичи. При этом не важно, в каком колене. Это создавало единство всех казахов.

Дети, родившиеся в одной семье, через семь колен становились крупным родом.

Когда девушка выходила замуж, она вносила в новую семью особенности своего рода, его диалект, тепло родового очага, задушевность своей родовой среды, ее традиции, песни, танцы, легенды, особенности искусства ткачества, вышивания, рукоделия, особенности приготовления пищи, — все специфические отличия той среды, из которой она выходила. Не это ли создавало то единство традиций, единство языка и отсутствие диалектов, которые сегодня существуют на огромных просторах нашего государства?

Кроме того, ее приход в другой род был своего рода обменом искусством семейной любви и воспитания детей. Казахские дочери и матери обеспечивали этнос целительным теплом своего сердца, огнем своей любви, своей лаской и заботой и тем самым незаметно выковывали национальное, духовное, душевное, культурное единство казахского народа.

Там, где казах чувствует свои родственные обязанности перед своими потомками нескольких колен, тогда множество людей воспринимаются мною как любимые, родные и кровные существа и в ответ любят меня и отвечают мне тем же. Эта любовь выходит далеко за пределы семьи и рода, возвышаясь до уровня племени, жуза и, наконец, всего народа.

Когда семь колен разрастались, то приходила

пора отделения в самостоятельный род и в этом качестве вливания в общий этнос. Старики приглашали свидетелей из всех семи родов, принося в жертву белого коня и его кровью рисуя родовой знак – тамгу, родовой уран – боевой клич. Тем самым закреплялось новое чувство любви уже не на уровне своей семьи, а на уровне своего рода. Но ведь семь колен сородичей успевали пустить корни и в других родах. Поэтому каждый человек – ветка одного дерева – успевал сплестись и с другими ветвями единого древа казахов. Отсюда, естественно, следует, что целостность, базировавшаяся на любви, расцвете рода, служила основой любви ко всему народу. А любовь и могущество народа, в свою очередь, питали любовь и могущество рода.

Итак, как видим, принцип “жеті ата”, институт родовых связей исподволь и накрепко задавали каждому казаху и всему казахскому народу неодолимую внутреннюю тягу к истине, Богу, ответственности и духовному единству. Этот принцип дал в руки нации такие четыре важнейших инструмента ее самостроительства как Разум, Вера, Совесть и Любовь. Они и есть те инструменты, которыми Дух народа работает над его плотью.

Таковы были основные элементы ментальности казахов традиционного кочевого общества. С течением времени они подверглись существенной и качественной трансформации.

* * *

При постепенном размывании централизованной власти в условиях колонизации территории Казахстана род выполнял и функции власти, регулирующие многие проявления общественной жизни как на внутривидовом, так и на межвидовом уровне.

Навязанные внешние институты в лице колониальной, а затем и советской власти не отвечали внутренним национальным потребностям. Система родовых отношений стихийно выполняла эту функцию. Она оказалась способной охватить всю нацию – на уровне крупнейших подразделений – жузов, и на уровне региональном – подразделения внутри жузов, и на локальном – собственный род, семья и свое индивидуальное место – “Я” как потомок семи предков.

Тем самым, каждый казах как индивидуальный, живой человек, живущий прямо “здесь-и-теперь” мог иметь историческую, культурную память, быть связанным с историей всего народа как диахронно, так и синхронно – со всеми “здесь-и-теперь” живущими казахами на всех бескрайних просторах Великой Степи.

Понятно, что рядовой казах-найман с отрогов Алтайских гор не мог знать внутренние подразделения родов и племен западноказахстанских казахов, но определенно, наверняка, знал, что там живут казахи Младшего жуза. Тем самым каждый рядовой казах мог, благодаря сис-

теме родовых отношений, как бы обзреть всю необъятную казахскую степь как землю, населенную одним казахским народом. Более того, он был в своем самосознании индивидуальной, личностной его частью.

Система чуждых национально-государственных институтов не развивала общенациональное единство казахов, а, напротив, всячески использовала институты родового деления как механизмы дезинтеграции нации.

Несмотря на это, родовое деление оставалось одним из немногих механизмов, институтов передачи этносоциальной памяти народа. Да, именно нации, хотя это выражение выступает парадоксальным применительно к нации, а не к этносу. Но, таковы парадоксы самой действительной истории казахов.

Потеря национальной государственности не означает потери коллективной памяти народа, его ухода с арены истории как самоосознающего целостного исторического субъекта. Народ не канул в историческое небытие, не потерялся в реке истории.

Казахский народ как этнокультурная общность сохранился именно благодаря своей этноколлективной памяти, сохраненной в родовом делении. Эта операция “этнологической редукции”, проводимой каждым казахом, его индивидуальным “Я”, выступала вынужденной необходимостью, вставшей перед всем казахским народом и порожденной его трудной исторической судьбой.

Институциональное поле казахского народа было сведено до опасно нижнего уровня. И длительное время институтом национально-культурного самосохранения оставался институт рода.

* * *

В основе современной внутриэтнической дифференциации лежат причины прежде всего исторического характера.

Глубинные истоки связаны с особенностями казахской этнокультурной системы в прошлом. Классическая казахская этнокультурная система относилась к таким, в которой формирование личности происходило в рамках родовой общины. Поведение человека в родовой общине, несмотря на институт военно-кочевой демократии, было достаточно жестко детализировано и иерархизировано.

Косвенным свидетельством иерархичности казахской этносистемы являлось существование института “туленгутов” — людей, шедших в услужение. Состоя на службе у ханов или султанов, крупных и влиятельных баев, они сами могли быть очень состоятельными.

Вместе с тем, с начала услужения они теряли право принадлежности к роду, к которому они относились до этого.

Выход за пределы ближайшей человеку системы иерархии (рода) означал потерю горизон-

тальной солидарности — поддержки и взаимопомощи со стороны членов рода и дополнение другой, вертикальной, иерархией чужеплеменников без уравнивающей ее системы горизонтальной солидарности. В этой промежуточной ситуации человек находился в состоянии постоянного стресса.

Отсюда можно сделать вывод, что выход из сферы ближайшей иерархии (рода) означал серьезное ограничение свободы человека, утрату индивидуальности. Следовательно, сама свобода человека могла существовать только в рамках внутривидовой иерархии.

* * *

Роль имперской политики в использовании родовых противоречий также нельзя недооценивать. Принятие подданства России происходило, как показывает реальная история, вынужденно и навязывалось одновременно и поэтапно. Это также сказывалось на внутренних противоречиях казахской нации.

Окончательная утрата национальной независимости привела к подрыву экономических основ традиционного уклада жизни. Произошла ликвидация сложившихся местных институтов власти, отмена институтов ханов и султанов.

Страна была расчленена в политико-административном плане. Она стала объектом колониальной политики “разделяй и властвуй”.

Царизм с целью ослабления национально-освободительной борьбы казахского народа всячески разжигал межродовую борьбу. Особенно часто пользовались этим средством при выборах различных должностных лиц, стравливая при этом разные родовые группы.

Об этом немало написано в исторических и художественных произведениях. Казахский народ помнит об этой политике царизма. И этот иммунитет надо сохранить в будущем.

Реформы 1822 г. “О сибирских киргизах”, 1824 г. “Об управлении Оренбургскими киргизами” положили начало насильственному изъятию у кочевого населения луго-пастбищных угодий, которое продолжалось целое столетие. Массовое заселение степных зон переселенцами значительно сузило районы традиционных кочевий, нанесло огромный ущерб состоянию скотоводческого хозяйства, являвшегося источником существования основной части населения.

Результатом переселенческой политики царизма явилось перманентное уменьшение этнической территории казахской нации. Произошло сужение, дробление, ухудшение в природно-хозяйственном плане.

Это означало, что в местах расселения переселенцев терялась “этническая непрерывность”, приведшая к дисфункциям этносоциального организма, что существенно замедлило консолидацию казахского народа.

В развитии социально-этнических общностей этническая сторона обладает собственной, относительно самостоятельной логикой развития. Несовпадение темпов развития социальной и этнической сторон в генезисе социально-этнических общностей вызвано относительной самостоятельностью и инерционностью этнической составляющей. Это явление принципиального запаздывания смены этнических параметров по сравнению с социальными можно назвать “этническим шлейфом”.

Отсюда вытекает, что в один и тот же период социально-исторического времени в одном и том же обществе могут параллельно сосуществовать народы с разным “этноисторическим возрастом”, который показывает, на какой стадии этногенетического развития находится тот или иной конкретный этнос.

* * *

Но естественный интерес к своему прошлому принимает уродливые формы, когда за дело принимаются недостаточно компетентные специалисты, использующие период динамичного роста национального самосознания, всеобщей эйфории в результате начального этапа становления независимой государственности как возможность беспрепятственного свободного сочинительства, индивидуального самовыражения или возвеличивания своей родоплеменной группы.

В первые два года независимости Казахстана это явление приобрело самые широкие масштабы. Всюду и в угрожающих количествах появились доморощенные историки, с позиции “родовой кочки” пытавшиеся писать этногенез народа, его историю.

Вместе с тем в этой тенденции были и есть положительные стороны – накопление фактов, первичные обобщения по истории конкретных регионов и областей Казахстана, которые после критического анализа научными коллективами могут служить основой для фундаментальных работ по истории Казахстана.

* * *

Родоплеменная идентификация сегодня – это инерционное явление пройденного этапа этногенетического развития казахского народа. Задача нации сделать так, чтобы эта инерция служила консолидации нашего народа.

Основная масса казахского населения характеризуется в целом однотипностью политической культуры, в особенности признанием общих социально-политических норм и ценностей, представлений о власти, путях ее достижения и использования.

В частности можно выделить следующие общие социально-политические установки: национальная государственность; унитарное государственно-политическое устройство; террито-

риальная целостность республики; нерушимость границ страны; президентская форма правления; казахский язык как государственный.

Сама возможность построения государства, которое бы на деле защищало интересы казахской нации, подготавливалась веками предками казахов, понесших тяжелые утраты в войне с иноземными захватчиками, выстоявших в суровые годы этноцида 30-х годов, не сломавшихся в тоталитарное столетие. Потерю темпов в построении государства, в котором казахский народ мог бы жить полноценной жизнью, из-за любых споров и противоречий внутри нашего народа, ничем нельзя оправдать.

* * *

История в отличие от арифметических задач часто не имеет однозначного ответа. И, понимая колоссальную позитивную роль родовых институтов в прошлом, мы должны столь же четко оценивать вероятные негативные последствия акцентирования на родовых моментах нашей истории сегодня. Поэтому нет нужды драматизировать проблему, как это любят делать некоторые любители посудачить о казахских проблемах из-за своего невежества или по злему умыслу.

В сущности, обращение множества простых казахов к генеалогии есть стихийное культурологическое творчество, детерминированное фундаментальными сдвигами в самом основании

казахской нации, которая, развиваясь отныне в независимом государстве, должна осознать свои новые возможности в решении стоящих перед нею проблем.

* * *

История оставила нам непростое наследство. А времени для точного и быстрого ответа на новые вопросы остается все меньше. И среди таких вопросов едва ли не самый важный — это внутринациональная консолидация. Конечно, это и строительство новой экономики, и внешняя политика, и оборонное строительство. Однако в данном случае нас интересует несколько иная материя, а именно — сфера национального сознания, то, что происходит в национальной душе.

Объединяющим началом для всей казахской нации является и строительство казахстанской государственности с развитым патриотическим отношением к своему государству, и модернизация массового сознания, и консолидирующая роль казахского языка, и целенаправленная деятельность так называемых локомотивных групп, и восстановление исторического сознания...

* * *

Ведь, хотим мы или нет, нам жить и работать по законам современности. Так что лучше —

жить, вынужденно соблюдая требования рынка и современных технологий, оставляя свое сознание взаперти от дыхания творящейся “живой” истории, или жить в современном, а не мифологическом мире, каждый раз выбирая свой собственный осознанный путь, сохраняя при этом веками наработанную свою культурную определенность? Очевидно, что императивы времени, независимо от чьего-либо желания, будут все равно пробивать дорогу.

Да это и происходит уже сейчас. Поэтому модернизация массового сознания не есть тактическая политическая задача, а совершенно необходимое требование для всей нации.

Эта проблема особенно актуальна и в силу того, что национальное сознание сегодня представляет собой сложный конгломерат социалистических и традиционных взглядов при достаточно поверхностном усвоении некоторых либеральных идей. Пора понять простую истину, что модернизированное сознание отнюдь не противостоит национальному. Напротив, только модернизированное национальное сознание и гарантирует сохранение нашего национального “Я”! Ведь никто не спутает современного корейца с англичанином или японца с французом. Между тем за последние десятилетия и японская, и корейская нации провели успешную модернизацию национального сознания. Это общенациональная и консолидирующая задача, стоящая перед казахами в конце столетия.

Государственное строительство также не является сугубо формальной задачей. Это колоссальная, многолетняя и трудная работа нации по самоосмыслению.

История может подарить все, но независимость, как форму внутренней свободы, подарить нельзя. Независимость — это единственная форма бытия народа, осознающего и отвечающего за право быть субъектом в потоке мировой истории. Нельзя рассматривать этот вопрос только в статике. Меняется и мир, и народы, и люди, составляющие народ.

Институциональное оформление есть только внешняя фиксация внутренних глубоких изменений народа, осознавшего абсолютную необходимость свободного волеизъявления в истории. Народ, давший основания этой государственности, должен быть готов принять на себя ответственность за состояние дел внутри страны сегодня и в будущем.

Если наш казахский народ не выдержит трудностей и лишений, которыми всегда сопровождаются эпохи становления нового государства и соответствующих гигантских перемен в его истории, какие нам приходится сегодня совершать, то нас ждет крах надежд на крепкую государственность. Кроме того, возможно и саморазрушение нации.

Свободу творят сами люди, подчеркнем это

еще раз. Так что недопустимо переносить ответственность за ее сохранение на кого-либо. И каждый казах должен спросить себя: достоин ли этой свободы, понимает ли он ее, какие обязательства он лично должен взять на себя. Поэтому сегодня не является ни риторическим, ни претенциозным вопрос: “Что я лично делаю во имя независимости Казахстана, моей страны и моего народа?”. Ведь только прилагая личные сознательные и действительные усилия, мы имеем право спросить с других. Казахстану на пути независимого развития придется преодолеть еще немало трудностей.

Современная ситуация в мире так же не является ни спокойной, ни стабильной. Это влияет и на нас. Для реализации глубинных интересов нации необходимо руководство, основывающееся на мудрости, твердости и высоких идеалах.

Но все же считать государственное строительство исключительной прерогативой бюрократии легче всего. Но так реальная независимость никогда не строилась. Это всегда дело нации, это всегда общенациональный проект. Сегодня нет цели, более консолидирующей всю нацию, нежели строительство независимой государственности.

Понимание глубины своих исторических корней, законная гордость колоссальными по масштабу воздействия деяниями предков, преодоление всяческих синдромов тоталитарной

эпохи, восстановление адекватного исторического сознания также даст мощный импульс национальной консолидации.

В свое время европейцы на утлых суденышках плыли в неизвестность, бороздя гигантские водные просторы. Они очень резко расширили свой национальный горизонт и в немалой степени благодаря этому пониманию величия своей истории осуществили гигантский прорыв в национальном строительстве. Было это на воде...

Наши предки также успешно решали эти задачи — соединяли народы, покоряли пространство и время истории. Было это на земле...

Они постоянно перемещались на огромные, поражающие воображение расстояния. И это в столетия, когда отсутствовали современные средства перемещения! Тем самым они участвовали в этногенезе многих современных крупнейших наций. Они обогащали народы, с которыми вступали во взаимодействие, переносили обычаи, традиции, способы хозяйствования, религиозные доктрины, расширяли знание людей о природе Евразии, вырывали их из плена местных представлений. Вся духовная атмосфера тех времен дышала мифами и легендами наших предков. Эта эпоха была пронизана спецификой именно кочевого мира из-за того, что кочевники были господствующими. Сознание степной элиты и рядового воина-кочевника могло представлять собой целостную картину, где были объединены культуры, государственные

системы, обычаи и традиции, специфика народов, разделенных тысячами километров.

И это понятно, поскольку степняки были, например, в этом году у подножия Алтая или Алатау, а на следующий год в Крыму, после этого в Литве, а еще через год на Кавказе. И везде они принимали участие в важнейших событиях народов и государств. Это поразительно для сознания, исковерканного веками деформированного образования, но это доказывается современными историческими изысканиями, хотя, впрочем, было известно в науке достаточно давно.

Понимание своего места в истории, гордость предками не в масштабах родовой кочки, а в общенациональном смысле, осознание колоссального значения казахов и их предков в истории огромной Евразии, освобожденное от унижающих национальное достоинство ярлыков и стереотипов — это мощный и абсолютно современный способ национальной консолидации! Ведь наблюдавшаяся в недавнем прошлом культурная маргинализация части казахского населения, особенно активно соприкоснувшейся с другими этнокультурными системами, во многом связана с этой недооценкой собственной истории. Преодоление внутринационального культурного напряжения во многом связано с формированием единого отношения к национальной истории как источнику законной гордости и культурного самопонимания.

* * *

И, конечно, казахский язык, столь мощно консолидировавший нацию в самые сложные годы, сегодня в условиях независимости не может не быть инструментом национальной консолидации.

Казахская культура — одна из древнейших по истокам и оригинальнейших по содержанию культур огромного континента, без всякого преувеличения, в двадцатом столетии едва не осталась на грани уничтожения. Ключевые характеристики национального бытия, такие как язык, этнокультурная идентификация оказались под вопросом. Кто-то из великих прошлого сказал, что между творцами языка и утратившими его стоит поколение пассивно пользующихся языком. На массовом уровне емкий и пластичный язык, язык великих философов и прекрасных поэтов, язык, вобравший в себя весь многовековой и многообразный опыт кочевнической жизни с ее космической темой одиночества человека перед картиной звездного неба и вечным циклом жизни, воспроизводящейся в органической слитности кочевника и природы, оказался на грани функциональной деградации.

* * *

Когда в современном Казахстане ставится вопрос о возрождении казахского языка, это не

только проблема казахского народа. Есть по крайней мере три выходящих за пределы ограниченно утилитарного подхода задачи.

Во-первых, казахский язык во всем своем великолепии и мощи есть составная часть мирового языкового пространства. Достижения казахского языка — это часть общего семантического, смыслового богатства всего человечества. Также как и достижения украинского, узбекского или русского языка. Есть казахские слова, которых нет в словаре ни одного народа мира и только через казахский язык возможно понимание этого среза реальности. Развитие казахского языка — это мощный инструмент общегуманитарного порядка, это совершенствование одного из инструментов познания и оценки окружающего мира.

Нобелевский лауреат, поэт Иосиф Бродский, сравнивая английский и русский языки, которыми он владел в совершенстве, уподоблял первый зрелому мужу, а второй, кажется, юноше. Быть может в каких-то чисто филологических измерениях, да еще в заоблачных высях поэтических демиургов это имеет место быть, но в жизни народов каждый язык самодостаточно богат для выражения тончайших нюансов — от мудрых размышлений аксакала до размашистых суждений нетерпеливой юности, от умиротворяющих отображений бытовых радостей до эсхатологических прогнозов. Ни один русский не согласится, что язык Пушкина в чем-то беднее

языка Шекспира, хотя может и есть чисто статистические критерии лексического богатства и т.д. Вопрос ведь не в этом, а в способности языка адекватно вместить и осмыслить реальный культурно-исторический опыт народа. Мы должны исходить из такого понимания, говоря о развитии казахского языка на земле, его породившей, земле, где только и есть возможность его полноценного развития.

Во-вторых, казахский язык есть часть национальной картины мира. Одна из реальных, а не выдуманных драм казахского сознания — это неполное владение казахским языком частью самих казахов. В мире есть примеры сохранения национального сознания без полноценного владения родным языком. Но это, как правило, происходит в случаях искусственной ассимиляции колоний и в этнических диаспорах, а не на этнической Родине.

Не может быть консолидированной нация без наличия базового элемента этнической консолидации — языка. Нет никакой вины той небольшой части казахов, которые сегодня еще не овладели в достаточной степени родным языком. Возможности профессиональной мобильности, информационные возможности во многом определялись знанием русского языка. Это, кратко говоря, следы прошлой языковой эпохи. Но сегодня задача овладения родным языком становится нравственным и национальным императивом каждого казаха.

Так, например, евреи, приехав со всего мира в Израиль, возрождают свой родной язык. Забытые фламандский, якутский языки сегодня приобретают статус государственных. Просто нелепо видеть в этом какой-то национализм. Это универсальный способ внутринациональной интеграции.

Да, нельзя изучить язык подобно нерадивому студиязусу за три дня до экзамена. Однако и ссылки на некие объективные трудности уже перестают работать. Родным языком необходимо овладеть. Ведь государством создано главное — институциональные предпосылки развития казахского языка. Это и конституционное закрепление его статуса, и колоссальные передвижки в системе образования, и создание полноценной информационной среды на казахском языке. Всего этого просто не было в начале текущего десятилетия.

Ведь овладели русским языком, одним из богатейших и сложнейших языков мира, наши отцы и деды, создав редчайший прецедент почти уникального билингвизма не элиты, но миллионов людей, практически всего народа. Сегодня задача стоит более простая — овладение частью казахов полноценным, а не бытовым казахским языком. Никакого трагического разрыва здесь нет. Нужна терпимость со стороны основного массива казахской нации, для которой язык естественен как воздух, и реальное стремление тех, кто в силу разных обстоятельств, часто не

зависевших от них в полной мере, чувствует себя неуверенно в стихии родного языка.

В-третьих, казахский язык, будучи государственным по статусу, является языком, функционирующим на всей территории страны. Главные институциональные предпосылки для его овладения всеми гражданами Казахстана созданы.

Конечно, было бы неверным выдвигать перед всеми народами, населяющими Казахстан, требование владеть казахским языком как родным. Но овладение основами государственного языка, которое должно происходить поэтапно, также один из инструментов общенациональной интеграции. Однако вопрос не сводится только к правовой регламентации. Да и нельзя чересчур увлекаться правовым творчеством в этой сложной теме.

В практическом плане важно и другое — готовность к сознательному освоению одной из богатейших культур Евразии, казахской культуры и языка.

Ведь освоение русской культуры казахами — безусловно и бесспорно позитивное явление, практически повлиявшее на информационный и интеллектуальный горизонт нации в целом. К тому же дело не сводится только к рациональным соображениям информационного или интеллектуального порядка. Звук и мысль, весь речевой строй языка, на котором творили едва ли не самые великие романисты девятнадцатого

столетия, образы Платона Каратаева или Григория Мелехова, Алеши Карамазова или стариков далекой Матеры, вошедшие в наше сознание, оставили благодарный свет поистине великой культуры. Они способствовали пониманию реальных достоинств русского народа и русской культуры, в отличие от всех и всяческих искажений. Именно поэтому отношение подавляющего числа казахов к одному из самых больших европейских народов определяется не воспоминаниями об агрессивно-истерических кликушах, мечтающих о реставрационизме, но теми глубокими культурными следами, которые оставила в нашем национальном сознании русская гуманистическая традиция. В этом и состоит смысл подлинной культуры — сближение народов на основе понимания.

* * *

Культурные революции, протекающие, в отличие от политических, без выстрелов и кровавых ночей, по силе воздействия порой значительнее смены одной политической элиты на другую. Будучи более долговременными и фундаментальными по последствиям, культурные трансформации обнаруживают свою силу несколько иначе, нежели политические.

Мы порой не замечаем, что произошло изменение базовых характеристик культурной деятельности за последнее десятилетие. К фунда-

ментальным вызовам времени относится необходимость создания плюралистической по принципам, диалогичной по существу, многоязычной по функционированию, поликонфессиональной культурной модели, адаптированной к рыночной экономике и внешним ценностным давлениям. Нельзя произвольно выстраивать культурную модель, не понимая накладываемых ограничений времени и обстоятельств.

Ключевым является изменение принципов культурной деятельности.

Во-первых, речь идет об отказе от диктата одной унифицированной идеологии. Это конституционно закрепленный принцип. Когда говорят сегодня о необходимости возродить некую единую и жесткую государственную идеологию, то нужно договаривать до конца. Значит необходимо введение карательной политической цензуры, значит необходимо прекратить развитие негосударственных средств массовой информации, значит над художником снова встанет политический корректор. Впервые в истории столетия наше государство сознательно отказывается от каких-либо форм давления на творческие процессы. Это принципиальная позиция.

Другой вопрос — поиск общенациональной идеи. Но ее реализация не может осуществляться тоталитарными методами. Да, такая консолидирующая идея необходима, но об этом несколько позже.

Во-вторых, развитие казахстанской культур-

ной модели определяется сегодня включением в систему мировой культуры, вхождением в новые смысловые контексты современного мира, его открытые и скрытые напряжения, в проблемное и ценностное пространство современности. “Железного занавеса” в культуре уже нет. Горько сознавать, но определенный провинциализм в понимании геокультурных реальностей, вызванный не национальной, но тоталитарной традицией, присутствует и отрешиться от него очень трудно. Гораздо легче обвинить весь мир, что “он идет куда-то не туда”, сведя все культурные воздействия современного мира только к эрзацам массовой культуры. Значительно сложнее реально включиться в процесс глобального культурного творчества на принципах открытости.

В-третьих, качественно меняются параметры развития как казахской культуры, так и культур этнических диаспор на территории Казахстана. Здесь возникает огромное количество проблем, связанных как с сохранением культурных традиций, так и с появлением нового явления — культурной идентичности народа Казахстана как гражданской общности.

* * *

Культурологи довольно часто оперируют понятием — «инерционность культуры». Если перевести на обычный язык, то оно могло бы оз-

начать преемственность традиций, вкусов, привычек и т.д. Действительно казах не будет казахом, не зная “Каракоз”, не наслаждаясь звуками домбры или запахом степной полыни. Этот механизм общенациональных культурных ценностей, “эмоциональных полей” транслируется всегда и везде, у каждого народа и в каждом поколении. Без этого “национального острова” и нации не бывает.

В то же время мы вступили на нехоженые тропы национальной истории. Мы впервые приступили к созданию демократического общества и правового государства при полной смене экономического режима, да еще на фоне реликтов тоталитарной эпохи. И в этой ситуации прежние механизмы преемственности культурных ценностей не могут быть сразу приспособлены и адаптированы к новым реальностям. Новые институты просто не покрывают всего богатства национальной культуры. А старые механизмы не вписываются в экономические и политические требования современного типа. Это порой вызывает настроения пессимизма и отчаяния у части творческой интеллигенции. Это болезнь перехода.

Одна из действительно серьезнейших задач в том и состоит, чтобы найти сочетание национальной традиции и современных институтов ее сохранения.

В то же время нет нужды идеализировать тоталитарные инструменты поддержания куль-

туры. Вообще оскорбительна сама постановка вопроса о том, что тоталитаризм дал толчок развитию культуры народов, в частности, казахского. Как будто не было в национальной духовной истории Чокана, Абая или Курмангазы, а если пойти дальше, то и целой россыпи звездных имен континентального или даже глобального масштаба — Аль-Фараби, Яссауи, Кашгари. Что, если бы не было тоталитарного режима, то казахи не нашли бы культурного самовыражения в двадцатом столетии? Нашли бы и кто знает, каких вершин духовной и интеллектуальной мощи достиг бы народ на исходе столетия!

* * *

Пора понять простую истину. Тоталитаризм через плотную сеть идеологических фильтров выстраивал свой инструмент информационного контроля над индивидом и народами. Да, для этого были созданы серьезные институциональные механизмы, да, на это направлялись значительные ресурсы, да, сегодня наша ресурсная база значительно меньше, хотя и это временная ситуация. Но цели были ясны и прозрачны, и национальная культура, как таковая, в числе этих целей не значилась. Та куца свобода, о которой с ностальгией вспоминают сегодня некоторые люди, всю жизнь вынужденные прятать свое национальное достоинство, свобода, рамки которой ограничивались робкими эзоповс-

кими попытками защитить свое национальное “Я”, свобода в малом и несвобода в большом, никак не может быть основанием казахстанской культурной модели.

Новая реальность, властно вторгающаяся в Казахстан, гигантски расширяет горизонты нашей культуры. Только теперь мы можем сказать, что начинаем постигать мировую культуру во всем ее богатстве, сложности и разнообразии. Парадоксально то, что Абай, творивший столетие назад, по уровню открытости современным ему потокам мировой культуры был колоссально эрудированным человеком. Парадоксально то, что Чокан Валиханов был на уровне мировой географической науки. Но эта парадоксальность мнимая. Национальный талант казахского народа, основанный на принципиальной открытости сознания, действительно мог осуществить духовный прорыв значительно раньше. Мы стоим на пороге нового открытия этого культурного универсума после почти вековой закрытости. На пороге драматических коллизий и напряжений. Но тем не менее эта свобода культурного выбора есть единственно возможный и достойный способ существования национальной культуры.

* * *

Культурная модернизация, конечно, несколько сложнее, чем изменение ярлыков на

товарах или рекламных вывесок. Дело не столько в том, что кто-то навязывает новые культурные нормы, хотя “война смыслов” и имеет место в современном мире. Дело в том, что задаваемые экономикой, политикой, технологией нормы национального существования и межнационального сосуществования меняются в своих основаниях. Ответ на эти культурные вызовы можно найти только сообща. Только диалог национальных культур, каждая из которых подвержена “нагрузкам современности” делает возможным адекватный ответ на вопрос — будет ли Казахстан обладать некоторым самостоятельным и оригинальным местом в мировом духовном пространстве или превратится в осколок плохо связанных и мутирующих культурных осколков?

Это не праздный вопрос и от того или иного решения этой вполне драматической дилеммы зависит не столько день сегодняшней, сколько день завтрашний.

Сегодня мы с гордостью и восторгом неофитов узнаем, что Казахстан является территорией, на которой развивались древние и самобытные цивилизации. Необъятные знойные казахские степи когда-то задавали ритм огромному пространству Евразии. Могильники на семи ветрах — безмолвные свидетели событий планетарного масштаба. Уходившие с этой земли в дальние странствия, не всегда мирные, конечно, наши далекие предки несли с собой новые тех-

нологии и знания в страны, которые позднее стали источником глобальных инноваций. Культурная миссия кочевников — вообще вопрос, идеологизированный до предела. И недооцененный до сей поры. Когда история пишется на потребу дня, то участь ее вызывает жалость. А именно такую «историю» мы лицеизрели до недавнего времени.

Нет нужды преувеличивать наше реальное историческое наследие. Оно столь велико и впечатляюще, что не требует никакой мифологизации. Диапазон культурного, политического влияния наших предков столь велик — от Египта до Индии, от Европы до Китая — и столь разнообразен, и как показывают исторические изыскания вполне отслеживаем и материально документирован, что это не оставляет камня на камне от дремучих стереотипов о “вековой отсталости Степи”. То, что было плодом интуиции отдельных историков или детищем блистательных поэтических прозрений еще 10-15 лет назад, сегодня становится объектом систематического анализа. И мы должны ясно понимать, что это произошло не само по себе, а в результате обретения независимости Казахстаном и культурно близкими народами Центральной Азии. Подход, основанный на реальной исторической правде, правде о культурном влиянии Великой Степи, еще совсем недавно казался страшным грехом.

* * *

В течение многих десятилетий письменной истории в европейской традиции жизнеописание кочевников преподносилось как некое историческое наказание оседлых народов и государств. Господство европоцентризма выразилось в полном отрицании роли кочевников — тюрков и монголов в мировой истории. Поэтому сегодня мы вынуждены в завалах искажений искать свои исторические корни. И речь идет не о создании некоей идеализированной истории развития нашего народа, а о реальных процессах во всем своем многообразии.

Необходимо было пройти через две кровопролитные мировые войны, экономические, политические, социальные и экологические катаклизмы XX века, чтобы избавиться от веры в абсолютность и непогрешимость европейской цивилизации. Быстрый скачок Востока, прежде всего Японии, а затем и новых индустриальных “тигров” показал, что европейский опыт не является идеальным воплощением прогресса и гуманизма, а лишь одной из моделей цивилизации.

Именно о непонимании роли восточных цивилизаций писал Жорж Фрадьё: “А история восточных народов? Западные учебники уделяли ей внимание только в связи с историей Запада. Арабы, например, появились на страницах учебников лишь для того, чтобы захватить Испанию и сражаться с крестоносцами в Палестине, пос-

ле чего вновь покидали историческую арену и как бы растворялись в небытии. Индия выходила из сказочного легендарного мрака бесконечной ночи, чтобы подвергнуться в 16–18 веках эксплуатации со стороны ряда торговых компаний. Китай вырывался из печальной обособленности лишь для того, чтобы встретить “цивилизаторов” времен опиумной войны, а на долю Японии, которую в течение двух столетий символизировал образ самурая — убийцы португальских монахов, выпадала пара абзацев, посвященных событиям 1853 г.” (Курьер ЮНЕСКО. Антология за 30 лет. - М., 1990, с. 179).

* * *

Если продолжить это сравнение, Азия, якобы, только тем и занималась, что порождала через определенные промежутки времени полчища варваров на лошадях, которые разрушали культурные достижения Европы, а затем растворялись во мраке истории. А кочевые народы будто бы только затем и появились, чтобы доказать тупиковость этого типа хозяйствования и уступить место цивилизованным народам.

Советские же учебники дополнялись еще одним мифом — о том, что все народы только и жили с мыслью о наступлении социалистической революции, которая вытащит их из тьмы. Тем народам, которые оказались в составе Российской империи, несмотря на все связанные с

этим тяготы, исторически “повезло”, ибо они приобщились к социализму, порой минуя капитализм.

* * *

Я думаю, что такой взгляд на историю был связан с устойчивой традицией европоцентризма и советоцентризма. Нам, потомкам великих народов древности, нельзя пользоваться чужими суррогатами, настало время непредвзято взглянуть на свое прошлое, настоящее и будущее.

“Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие”, — писал А.С. Пушкин. Волею судьбы не для одного поколения казахов, как и других народов, признаваемых еще недавно “младшими братьями”, знания о былом могуществе и жизни предков было запретным плодом. “Мы должны брать из прошлого огонь, а не пепел”, — призывал Ж. Жорес. Похоже, что нашему народу классовая историография не оставила даже пепла, а лишь пыль, которой, тем не менее, народная память не дала развеяться по ветру.

* * *

Для нашего народа объединительным началом всегда была идея государства, причем до на-

стоящего времени казахи знали два утвердившихся его типа. Первый — это преимущественно кочевое государство с момента возникновения казахского народа и до его ликвидации в ходе вхождения в состав Российской империи. Второй — советская государственность, которая носила формальный характер.

Сегодня у нас достаточно серьезные перспективы на основе уже имеющихся достижений формирования нового типа государственности в терминах грядущего XXI века. Это, возможно, последний исторический шанс, который дан нашему народу.

Перед нами стоит дилемма: либо мы освоим современные реалии и создадим новый Казахстан, либо уйдем в небытие.

Мы выбрали первое, но наше созидание нового должно опираться на богатейший исторический опыт. Мечтая о достойном будущем, давайте помнить о достойном прошлом.

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ -
ЧАСТЬ ВЕЛИКОГО
ТЮРКСКОГО ЭЛЯ

В руках у мудрецов перебывало
арабских и персидских книг
немало,
Но эта – первая из книг,
В которой тюрки слышат свой
язык.

Юсуф Баласагуни

Почти две тысячи лет назад на нашей земле возникла своеобразная андроновская культура, сочетавшая развитое животноводство и земледелие. Именно эти племена некогда двинулись в Индостан, чтобы под именем ариев создать великие культуры и государства. Сакские племена Казахстана были прямыми потомками андроновского населения — ариев и туров, дахов и данов Авесты. Этот неоспоримый вывод подтверждают археологи, проводящие прямые линии связей между андроновской и сакской культурами, а также антропологи, установившие генетическую преемственность населения сакского времени эпохи бронзы.

С началом сакской эпохи у обитателей казахстанских степей появляются монголоидные примеси центральноазиатского происхождения, сказавшиеся на их облике. Именно в эту эпоху происходит переход к кочевому скотоводству как наиболее прогрессивному в тех условиях способу ведения хозяйства.

Здесь возникли государства, которые остановили нашествие иранских завоевателей, армии Александра Великого. Здесь был создан союз человека и лошади, благодаря которому тюрки и другие кочевые народы смогли покорить половину известного мира и держать в напряже-

нии его остальную часть — Западную Европу и Китай. Здесь, на берегах Иртыша, Или, Сырдарьи, Жаика и Едиля возникали столицы огромных империй — гуннов, тюркских каганатов, государств карлуков, уделов монгольских ханов и их преемников.

* * *

Центральное место на огромном Евразийском континенте занимает пояс степей и пустынь, где рождались великие кочевые государства. Именно на территории нынешнего Казахстана и сопредельных с ним регионов возникли различные культуры, которые оказали едва ли не определяющее влияние на развитие многих народов мира.

Первая крупная кочевая империя в Центральной Азии образовалась в III веке до н.э. Это были сюнну (хунну, гунны), которые вскоре заняли территорию от Забайкалья до Тибета, от Средней Азии до Хуанхэ, потрясая полтысячелетия своими вторжениями древнекитайскую государственность. В IV-V вв. н.э. хроники повествуют уже о нашествии гуннов на Европу и Западную Азию.

В VI веке на историческую арену в Евразии выходит новое историческое лицо — Тюркский каганат — Степная империя тюрков, в период своего расцвета охватившая обширные земли от Кореи до Крыма. В VI-VIII веках хроники со-

общают о первых тюрках в Европе — аварах, булгарах, сувах, хазарах. Затем с востока появляются огузы-печенеги, тюрки-сельджуки, а также карлуки, кыпчаки (половцы, комань), кыргызы. Тюркские племена заселяют большую часть Казахстана и Средней Азии, проникают в Иран и Закавказье; в XI веке часть их (огузы и туркмены) перекочевали в Малую Азию. Короче, расселение тюркских племен привело после их оседания и смешения с местными народами, а иногда и при сохранении кочевого образа жизни, к образованию большой группы тюркоязычных этносов от якутов, тувинцев, алтайцев, казахов, уйгуров на востоке до чувашей, гагаузцев, татар (поволжских и крымских), кумыков, карачаевцев, балкарцев и турок на западе.

* * *

Наши предки на протяжении двух тысячелетий играли значительную роль в развитии государств от Дальнего Востока до Западной Европы, от Сибири до Индостана.

Перемещаясь на огромные расстояния, кочевники не раз изменяли этническую и государственную картину Евразии. С передвижениями центральноазиатских номадов связано распространение в древности и средневековье важнейшей языковой семьи мира — алтайской (в основном тюркской и монгольской ветвей), к которой принадлежит и казахский язык. С это-

го времени начинается продвижение по Евразии одной из самых распространенных языковых семей — тюркской.

“Кочевой мир на первых порах, благодаря физической и психологической мобильности кочевников, стал важным фактором динамичного и импульсивного развития. Недаром в дошедших до нас руинах его символом стали стремительные фигуры животных, сцены их борьбы и противостояния. Новый уровень технического обеспечения позволил совершить подлинный скачок в сфере коммуникабельности. Границы мира как бы расширились, новые моды и эталоны почти мгновенно распространились на огромных территориях.” (Массон В.М. Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1989. С. 87—88).

* * *

А все начиналось много веков назад. Легенда говорит о том, что волчица спасла в своем логове в горах восточного Тянь-Шаня мальчика из истребленного врагами племени. Волчица вскормила ребенка и впоследствии стала матерью его десяти детей. Подросшие дети нашли себе жен, а один из внуков волчицы получил имя Ашина. В согдийском и сакском языках это имя означало оттенки синего цвета. Если вскормлен-

ные одной волчицей Ромул и Рем схватились в борьбе за власть, а убив своего брата, Ромул стал основателем Рима, то дети другой волчицы стали прародителями многих народов Евразии, которые и по сей день ясно осознают свое родство. Не случайно культ волка стал общетюркским, а небесно-синий цвет органично стал основой нашего государственного флага.

Во второй половине VI в. термин «тюрк» впервые фиксируется источниками и получает широкое распространение. До создания каганата слово «тюрк» означало лишь союз десяти (позднее двенадцати) племен, сложившийся около 460 г. на Алтае. Так возникает Тюркский Эль.

Первый тюркский каганат (552-603 гг.) включался в систему политических и экономических отношений Византии, Ирана, Китая. В период расцвета Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Керченского залива, от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Так тюркские каганы стали создателями первых евразийских империй.

Бумынь, великий ябгу тюрков, в 552 году был поднят на белой кошме и стал каганом огромной империи. Его династия утвердила господство тюрков в Центральной Азии и Южной Сибири, а китайские императоры платили им дань. Расширение владений тюркских племен в течение последующих столетий, на мой взгляд, было вызвано географическим фактором. Пространство срединной Евразии не имеет внутренних

географических границ, отделяющих разные регионы. Степь, рассекаемая реками, протянулась от Карпат и Северного Причерноморья почти до самого Тихого океана. Здесь выживание напрямую зависело от расширения жизненного пространства. Степные народы не были ограждены от соседей труднопроходимыми географическими препятствиями, подобно европейским государствам. Возможности быстрого перемещения в пространстве, обеспечивающиеся самим образом жизни, требовали постоянного расширения территории.

Широкий степной пояс Евразии, частью которого являются и просторы Казахстана, от Хуанхэ до Карпат, пустыни Средней Азии и Восточного Туркестана, тундра Евразии — все эти гигантские территории могли быть освоены только кочевыми скотоводами. Верблюды, лошади, овцы служили и транспортным средством, и источником материальных ресурсов — давали молоко, мясо, кожу, шерсть, т.е. основу пищи, одежды и жилища кочевника.

Кочевой мир, хотя и был многоликим, но его объединял общий тип культуры и хозяйствования. Освоение естественной среды в пределах Великой Степи закончилось тем, что кочевники стали проникать на территории, занятые и освоенные оседлым земледельческим населением. В борьбе с оседлыми народами сказывалось военное превосходство кочевников.

Само кочевое скотоводство и необходимость

постоянной защиты от нападений врагов обуславливали то, что каждый мужчина, а в случае необходимости и женщина, становились воинами. Они были отличными наездниками, натренированными для дальних переходов, хорошо владели оружием и приемами кавалерийского боя.

Обеспечение своих насущных материальных потребностей занимало у них гораздо меньше необходимого времени, чем у оседлых земледельцев, и большую часть его они отдавали упражнениям в военном деле. До сих пор у тюркских народов, связанных в прошлом с кочевым образом жизни, сохранились конноспортивные игры — ажирид у турок, байга, кокпар у казахов и тому подобные реликты прежних военных тренировок — джигитовок. Наконец, более слабое развитие у кочевников, по сравнению с оседлым населением, классовых отношений и в древности, и в средневековье вело к длительному сохранению патриархальных и родоплеменных связей. Тем более, что социальное неравенство в кочевом обществе, да и во всех традиционных обществах, не являлось проблемой. Объективно существующее неравенство воспринималось как часть определенного свыше, или, иначе говоря, освященного божеством, порядка.

* * *

Вторгаясь в страны с оседлым населением, кочевники подчиняли целые государства влас-

ти своих вождей — шаньюев, каганов, ханов, эмиров, султанов. Возникали гигантские державы кочевников — сюнну или гуннов, тюрок, монголов. История знает немало сравнительно легких побед номадов над древними и средневековыми государствами, что вело к распространению кочевников на землях, освоенных оседлыми народами. Но наибольшего успеха кочевники достигали тогда, когда перед ними были ослабленные противники: либо цивилизации, переживающие кризис, либо государства, пребывающие в состоянии раздробленности и усобиц. В этом тоже одна из причин успехов кочевников-завоевателей, в том числе выходцев из Центральной Азии — тюрок и монголов.

На истории Западной Римской империи гунны Атиллы лишь поставили точку. Тюрки, оказавшиеся в XI веке в Малой Азии, легко взяли верх над Византией, ослабленной усобицами. Раздираемые внутренними противоречиями государство Хорезм-шахов и княжества Руси XIII века не смогли препятствовать монголам.

Кочевые империи, знакомые с Востоком и Западом, быстро осваивали новые виды оружия и военной техники.

Например, армии Чингисхана при штурме европейских городов использовали китайские стенобитные орудия.

Но все же самым главным фактором, обеспечившим военно-тактическое превосходство кочевников над оседлыми народами, было ши-

рокое применение ими боевого коня. Это был революционный переворот в военном деле. С первого тысячелетия до н.э. основным и, пожалуй, единственным родом “кочевого войска” сделалась конница, применявшая в сражениях тактику массированного удара. В середине первого тысячелетия н.э. тюрки стали широко использовать жесткое седло и стремяна, что повысило боевые качества конницы.

Таково было время. Чтобы выжить, каждый должен был владеть оружием, в любую минуту вступить в войско. Мне кажется, самое неблагоприятное дело — искать правых и виноватых, агрессивных и миролюбивых в минувшей много веков назад истории. Каждый народ гордится своими героями, среди которых были и завоеватели, и защитники от нашествий.

* * *

Древние авторы не раз отмечали несомненные военные преимущества тюркских народов. Интересно “Послание Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и всех войск халифа” аль-Джахиза — весьма известного автора IX века, написанное в период правления халифа Мутаваккиля (847-861) (Фатх б. Хакан — главный фаворит халифа Мутаваккиля, известен как покровитель поэтов и ученых. Убит заговорщиками в 861 г. вместе с Мутаваккилем). Это ответ на письмо Фатха б. Хакана, описавшего ему мажилис, на

котором обсуждался вопрос о достоинствах и праве преимущественного положения отдельных групп войск халифата. На этом мажилисе никто не выступил с обоснованием прав тюрок, и Фатх б. Хакан, как это можно понять из контекста, обратился к Джахизу с просьбой описать их достоинства.

Вот что пишет арабский автор: “Нет на земле народа, кроме тюрок, у которого бы объединение племен в войнах при наличии отдельных предводителей не наносило бы ущерба. Однако тюрки (обычно) не объединяются таким образом — а это (по причине того), что они питают отвращение к (возникающему) при этом различию мнений, тайному соперничеству, взаимной зависти между сходными (по положению) и перекладыванию друг на друга того, что (общеобязательно) для (всех) участников объединения.

Когда тюрки находятся в боевом строю, (то) если у противника (имеется) слабое место — уже все они видят и понимают его; но если не бывает слабого места и не бывает у него (противника) предмета желания (т.е. добычи) и целесообразно удалиться, то уже все они придерживаются этого мнения и сознают правильность его: а мысли у них едины и побуждения одинаковы, возникая у них одновременно.

Они не занимаются толкованием (Корана), похвальбой друг перед другом и сочинением друг на друга стихов. И поистине (главное) достоин-

ство их – разрешение своих собственных дел; а разница между ними невелика”.

Далее он пишет: “Единственное стремление их – охранять себя, дабы отвратить от себя зло и посягательство с их стороны (т.е. врагов), и оградить себя от их козней”. “Тюрки – народ, (которому) неизвестны месть, льстивый обман, двуличие, клевета, притворство, сплетни, лицемерие, высокомерие по отношению к друзьям и надменность в отношении соседей”. (Мандельштам А.М. Характеристика тюрок IX в. в “Послании Фатху б. Хакану” ал-Джахиза //Труды Института истории археологии и этнографии. Т. I. Археология. - Алма-Ата, 1956. С. 233—237).

Как пишет Л. Н. Гумилев: “С оазисами в Средней Азии они (арабы) справились довольно быстро, но как только вышли в степь, то столкнулись с кочевыми тюрками и тюргешами (тюргешы – это одна из разновидностей западных тюрок). И тут их продвижение остановилось. Хотя арабы предлагали им принять веру ислама, но те отвечали гордо. Хан тюргешей Сулу говорил: “У меня все люди воины, а у вас кто? Ремесленники, сапожники, купцы. Мы же ведь этого делать не умеем, следовательно, и ваша вера нам не подходит” (Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период.-Л., 1990. С. 60).

* * *

Единство тюрков отмечалось многими авторами. И до настоящего времени это качество недооценено как фактор быстрого распространения тюркского мира по Евразии. Гибель ранних тюркских государств была связана в большей степени с утратой единства народа, нежели с влиянием извне.

В древних рунических текстах — надписях в честь Бильге-кагана и Кюль-Тегина 731 г.: “Вследствие неверности бегов и народа, вследствие обмана и подстрекательства обманщиков из Китая и их козней, из-за того, что они ссорили младших братьев со старшими, а народ — с бегами, тюркский народ привел в расстройство свое до того времени существовавшее государство и навлек гибель на царствовавшего кагана” (История Каз ССР. Т. I. С. 439).

Единство, передовой по тем временам способ хозяйствования, оптимальная организация вооруженных сил позволили тюркам создать огромные государства и оказать серьезное влияние на ход мировой истории. Именно эти три слагаемые былого могущества наших предков отмечаются большинством авторов средневековья.

Совокупность этих достоинств позволяла кочевым народам открывать для себя самые различные уголки Евразии. Если не считать переселений арабов во времена завоеваний VII-XIII

вв. и европейцев в период Великих Географических открытий и колониальной экспансии, ни один оседлый народ или даже группа оседлых народов не расселялись в таких грандиозных масштабах. В древнетюркское время кочевники проложили новый степной мост от Центральной Азии до границ Византии. Кочевые империи, сменявшие друг друга в течение веков, возникающие и рассыпающиеся на этих просторах, оказали огромное влияние на этногенез многих народов, становление сложных и разнообразных культурных комплексов.

Это был совершенно новый тип цивилизации, сохранивший свои черты до первой трети XX века. Что лежало в основе широкого распространения коннокочевой цивилизации тюркских народов?

Во-первых, освоение столь больших пространств в то время могло быть осуществлено единственным новым способом хозяйствования — кочевым скотоводством. Традиционное кочевое общество выработало рациональные приемы освоения степей, пустынь и полупустынь.

Во-вторых, кочевники установили тесные и взаимовыгодные контакты с оседлым земледельческим населением.

В-третьих, высокого уровня достигло военное искусство тюрков. Рядовой кочевник был не только пастухом, но и воином. В силу своей подвижности, дальних переходов и охвата больших территорий, кочевники имели возможность

раньше, чем оседлые народы, знакомиться с открытиями и изобретениями в военном деле в различных странах и брать их на вооружение.

Но самым главным фактором, обеспечившим военно-тактическое превосходство кочевников над оседлыми народами, было широкое применение ими боевого коня. Это был революционный переворот в военном деле. Новым шагом в развитии военного дела стало изобретение верховой езды. Военное превосходство кочевых народов над оседлыми, которое у степняков Центральной Азии обеспечивала конница, продолжалось вплоть до массового распространения огнестрельного оружия.

Империя, созданная тюрками – Тюркский каганат, хотя и возникла в результате завоеваний, в дальнейшем играла и определенную цивилизующую роль. Известный тюрколог Л.Н. Гумилев отмечал: “Поскольку границы каганата сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией и Индией, а на востоке с Китаем, то, естественно, что перипетии истории этих стран... связаны с судьбами тюркской державы. Образование ее стало в какой-то мере переломным моментом в истории человечества, потому что до сих пор средиземноморская и дальневосточная культуры были разобщены, хотя и знали о существовании друг друга. Бескрайние степи и горные хребты препятствовали сношениям Запада и Востока. Только позднее изобретение металлургической и вьючной упряжи, заменившей

телеги, позволило караванам сравнительно легко форсировать пустыни и перевалы”.

Одним из способов древних коммуникаций был Великий Шелковый путь, который функционировал как регулярная дипломатическая и торговая артерия. Именно через земли тюрков на Запад шли караваны с шелком, а в Китай — товары из Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Средиземноморья. Значение этого моста далеко выходит за рамки сугубо материального обмена между двумя частями мира. Он соединял различные культуры и народы, действовал как постоянный фактор обмена идеями в древнюю эпоху.

Со времени образования Тюркского каганата, сыгравшего выдающуюся роль в древней истории, скоро исполнится 1450 лет. Это событие отмечается во многих государствах, уже состоялось несколько международных конференций, форумов, посвященных изучению наследия великой тюркской цивилизации. Нам всем есть чем гордиться, ибо наши предки оставили глубокий след в истории, оказали мощное влияние на судьбы народов Евразийского континента.

Народы наших стран по праву гордятся великими предками, а имена первых каганов: Бумына, Истеми, Бильге-кагана, Кюль-Тегина по их свершениям ничем не уступают другим великим полководцам и государственным деятелям древности.

В социально-политической сфере к несомненным достижениям древнетюркской цивилизации принадлежит формирование новой социально-политической структуры общества, где ведущую роль играла имперская аристократия во главе с каганом, главной обязанностью которого считалось, по свидетельствам древнетюркских памятников, “прокормление народа”. Наивысшей похвалой умершему кагану в поминальных надписях было: “Он хорошо кормил свой народ”. Концентрация власти в руках кагана и степной аристократии делала их политически и исторически ответственными за судьбу государства.

В культурно-цивилизационном плане древние тюрки сформировали, в результате обширных и тесных контактов с цивилизациями Средней Азии, Ирана и Византии, новый тип культуры со своей оригинальной письменностью на рунической основе. Более двухсот памятников древнетюркской письменности, обнаруженных учеными на Алтае, в Восточном Туркестане и Семиречье, в Хакасии и Туве, свидетельствуют о начале формирования древнетюркской цивилизации в результате колоссального культурного прорыва в конце VI века. Особенностью древнетюркской культуры является ее формирование на местной основе.

Кочевой мир на первых порах, благодаря физической и психологической мобильности номадов, стал важным фактором динамичного раз-

вития. Новый уровень технического обеспечения позволил совершить подлинный скачок в сфере коммуникабельности, расширив границы мира.

Рунический алфавит был создан по приказу Истеми-кагана в конце VI в. для расширившихся международных отношений, в частности для ведения сложных дипломатических переговоров с Византией.

Тюркский алфавит быстро распространился на огромных пространствах в силу его простоты. Это давало возможность его широкого усвоения.

С передвижениями центральноазиатских номадов связано распространение в древности и средневековье важнейшей языковой семьи мира — алтайской, к которой принадлежат языки наших народов.

В этногенетической сфере образование централизованного государства — Великого Тюркского Эля, привело к формированию огромной степной общности, характеризующейся единым языком, обычаями, традициями.

Эта конфедерация тюркских племен сформировала могущественное государство с ярко выраженными культурными традициями, создавшее благоприятные условия для развития оригинальной культуры, и вплоть до конца VIII в. строго сохранявшее свои собственные экономические, социальные и религиозные особенности.

В духовном плане – это период пробуждения исторического сознания у восточных кочевников.

Вступив в тесное и постоянное взаимодействие, два мира – кочевой и оседлый, теперь уже не могли развиваться друг без друга.

* * *

Тюрки проявили уникальную способность воспринимать достижения других культур, приспособлять их к своим условиям. Это была принципиально незамкнутая культура. “Впоследствии мусульмане, сталкиваясь с тюрками, отметили их удивительное умение находить общий язык с окружающими народами. Эти качества тюрки проявляли вне зависимости от того, приходили ли они в новую страну как победители или как гости, как наемники или как военнопленные рабы; в любом случае, они делали карьеру с большим успехом, чем представители других народов” (Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. С. 149).

В центре мироздания тюрков был человек. Мир людей, человечество – вот пантеон тюркского духа. Так, в фрагменте из “Большой Надписи в честь Кюль-Тегина” было записано:

“Вначале было вверху голубое небо,
А внизу темная земля;
Появились между ними сыны человеческие”.
Таким образом, стержневым элементом ми-

рождения тюрки считали Человека. Именно человеческая жизнь, жизнь конкретной индивидуальности, наполненная страстями, желаниями, свершениями и событиями, была неотделима от жизни государства, общества. Поэтому история понимается по аналогии с конкретной человеческой жизнью, что поднимает ее на высокий уровень значимого исторического бытия.

Человеческие качества тюрки ценили превыше всего. Если воин отличался храбростью и отвагой, то он мог стать батыром, даже не относясь к степной аристократии.

Проявлявший склонность к сказительству, обладавший живым и острым умом становился хранителем памяти народа (акыном). Наиболее известные и уважаемые среди них могли высказать в лицо правителям мнение народа.

К особенностям степной демократии также относились независимый суд биев, равноправное положение женщин, отсутствие религиозного фанатизма, выборность глав родовых подразделений.

Устойчивыми институциональными социальными механизмами передачи социальной, этнической коллективной памяти народа были патриархальная семья; родовые отношения; неписанные нормы обычного права.

Традиции рода являются наиболее устойчивыми в сознании человека, так как сам уклад жизни не позволял ему жить иначе как в коллективе, сообществе, отсюда и поразительная

живучесть обычаев и обрядов, норм и предписаний рода, сохранившихся и по сей день.

Тем самым, каждый отдельный человек имел историческую, культурную память, был связан со всем народом на бескрайних просторах Великой Степи.

Главным носителем и хранителем духовных качеств являлся старейший в роду, т.к. он олицетворял живую историю и почитался как мудрый учитель-наставник. В кочевничестве власть старейшин являлась одной из форм социальной организации, выступала ритуальным механизмом взаимосвязи между ушедшими поколениями и современными людьми.

Степь формировала особый дух, мировосприятие. Отсюда проистекает динамизм тюркского духа. Это нашло отражение в эпосе – закодированной памяти предков, в которой зафиксированы все перемещения народа по громадной степи.

Эпос тюркского мира имеет беспрецедентное значение для осознания единства истории и культуры современных тюркских народов. Являясь общим достоянием с древнейших времен, он сопровождал народы-братья все века их исторического развития. В самые трудные времена эпос соединял тюркский мир, несмотря на то, что наследники тюркского мира оказались не по их воле отдаленными друг от друга. Даже в тяжелых условиях тоталитарного режима тюрки сберегли свою общую историческую память, ду-

ховность, свою общекультурную идентичность. Сейчас мы имеем возможность в полной мере оценить громадное значение великих деятелей современных народов – М. Ауэзова, Ч. Айтматова и др., которые понимали, что без сохранения общетюркских духовных основ, тюркские народы могли потерять свою историческую память.

Устойчивой характеристикой ментальности тюрков является такое качество, как их способность выживать в самых трудных условиях, при этом не теряя своей культурной идентичности. Так, по свидетельству арабского историка XII в. Фахретдина Мубаракшаха: “Турок подобен жемчужине в морской раковине, которая не имеет ценности, пока живет в своем жилище, но когда она выходит наружу из морской раковины, она приобретает ценность...”.

У кочевников сознание вмещало всю завоеванную ими ойкумену. Об этом свидетельствует содержание эпосов и легенд кочевых народов. Географические границы фольклорного мира огромны. И, что удивительно, такие пассажи, как “люди с песьими головами” и т.п. мистика, характерная даже для поздних европейских научных географических представлений, там отсутствует.

Много внимания в устном народном творчестве уделялось системе нравственных исканий человека, его взаимоотношений с другими людьми, проблеме жизни и смерти, рождения, взрос-

ления и старения, отношений между старшими и младшими, родителей к детям и т.п. Опыт организации кочевого образа жизни, неразрывно связанный с природой, а также социальной жизни, основными характеристиками которой были нравственные понятия уважения к старшим в роду, проявления заботы о своих сородичах, привел к формированию определенных кодексов нравственно-практических установок, пронизывающих всю общественную и частную жизнь кочевников.

Общераспространенным до нашего времени, в том числе и в науке, является мнение, что переход от замкнутого существования локальных обществ к всеобщим связям и взаимодействиям между народами произошел только со становлением индустриальных обществ.

Но, если следовать непреложным историческим фактам, то мы должны признать, что одним из первых глобальных по масштабам исторических опытов человечества соединения между собой изолированных локальных человеческих сообществ, находящихся на разных уровнях экономического развития, несовпадающих по типам социальной организации общества, его культурным, ментальным, расовым, этнокультурным параметрам было движение кочевых обществ с Востока на Запад. Именно такую благородную роль и сыграл Великий Тюркский Эль.

* * *

В среднетюркскую эпоху (X-XV вв.) тюрки, несмотря на все превратности и катастрофы жизни, вызванные опустошительными нашествиями войск Чингисхана, были одним из наиболее активных народов того времени. Тюркоязычные племена интенсивно распространялись по Центральной, Южной и Малой Азии, по Сибири и Восточной Европе. Они достигли вершины развития своего времени и выступали одним из активных двигателей развития цивилизации человечества.

В X-XI веках для народов Центральной Азии большой внешней угрозы со стороны великих государств Востока и Запада не существовало. Это обусловило мирное развитие жизни и возникновение на территории региона сильных высокоразвитых государств. Наиболее крупными и процветающими из них были государства Саманидов, Караханидов и Газневидов со смешанным тюрко-иранским населением. В те периоды население достигало 5-7 млн. человек. Это сравнительно небольшое для того времени население в период X-XI века достигло высочайшего уровня экономического и культурного развития.

Арабское завоевание оказало большое влияние на социально-экономическую, политическую и культурную жизнь народов Центральной Азии.

Одним из важнейших изменений в общественной жизни явилось распространение новой государственной религии — ислама, арабского языка и письменности. Введение единого языка на громадной территории, включение народов, разных по уровню развития и образу жизни в рамки единого религиозно-политического объединения позволило развить культуру, творчески соединившую в себе традиции всех народов, входивших в халифат, а также обновить античные культурные ценности.

Во второй раз, после Тюркского каганата, территория его основных наследников вновь стала выполнять роль связующего моста между Востоком и Западом, соединяя отдаленные в пространстве классические цивилизации Китая, Индии и западных окраин европейского континента (мусульманская часть Испании). Это в свою очередь оказало огромное влияние на судьбы самого Ближнего Востока, а через него, повлияв на культуру средиземноморских стран, воздействовало на формирование основы европейского Возрождения, т.к. спасло ее фундамент — античную культуру.

Обширные связи халифата с Китаем, Индией, со всем Средиземноморьем заключались не только в обмене товарами и техническими новшествами, но и в плодотворном сопоставлении различных идейных систем. Так, на протяжении всей эпохи средневековья сочинения Аль-Фараби пользовались большой популярностью в Западной

Европе и несомненно способствовали развитию гуманизма Возрождения. А трудами Ибн-Сины, который в своих общественно-политических воззрениях во многом следовал за мыслителем из Отрара, в течение 10 веков Европа пользовалась как энциклопедией медицинских знаний.

Народы Центральной Азии создали в эпоху средневековья высокую яркую культуру, проявлявшуюся в своеобразной архитектуре, красочном прикладном искусстве, цветистой поэзии, эпосе.

В это время происходил переход на арабский алфавит. Отрар, Тараз и другие города стали крупными центрами культуры, где на почве местной традиции своего времени в органичном сочетании с высшими достижениями мировой культуры, жили и творили такие замечательные ученые, как энциклопедист Аль-Фараби, математик и астроном Аббас Джаухари.

Аль-Фараби по праву считается основателем многих наук и искусств: математики, архитектуры, музыки. Актуальными для нас звучат и его социально-этические трактаты, в которых он развивает учение о добродетельном государстве и государе. Аль-Фараби является подлинным основателем арабской философии – первым философом Востока. Его творчество оказало огромное влияние на мыслителей средневекового Востока: Низами Ганджеви, Омара Хайяма, Алишера Навои.

Эта великая эпоха дала миру великих людей – ученых, поэтов, архитекторов, медиков.

К ним можно отнести великого ученого Аль-Хорезми (780-847) — выдающегося математика средневековья, труды которого переводились в мусульманской Испании на латинский язык и заложили основы европейской математической науки. Термины “логарифм”, “алгоритм” происходят от его имени. Аль-Хорезми познакомил мир с крупнейшими достижениями математиков Индии. Он ввел знак нуля и позиционную запись цифр, которой мы пользуемся сейчас. Аль-Хорезми основал алгебру, название которой происходит от названия его книги “Ал-джебр”.

Он занимался также и астрономией, составил таблицы синусов и тангенсов.

В ряду великих ученых того времени стоит и Аль-Бируни. Математик и географ, астроном и биохимик, конструктор и поэт — Бируни был ярчайшим явлением средневековья. Недаром XI столетие современники поделили между двумя великими людьми, в равной мере достойными стать с гигантами Возрождения: первая половина этого века названа эпохой Бируни, а вторая — эпохой Омара Хайяма, поэта и математика, астронома и философа.

В X-XI веках получает блестящее развитие литература на тюркском языке. На таджикском языке писали великие поэты Востока — Фирдоуси, Бухари, Самарканди и др. На тюркском языке писали Юсуф Баласагуни, Ахмет Яссауи.

Крупнейшими мыслителями средневекового Востока являлись Юсуф Баласагуни и Махмуд